

ВАРЛОРД СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ

АЛЕКС ДЕЛАКРУЗ

Варлорд

Алекс Делаacruz

Варлорд. Северное Сияние. Том I

«Автор»

2020

Делакруз А.

Варлорд. Северное Сияние. Том I / А. Делакруз — «Автор»,
2020 — (Варлорд)

Четвертая книга саги о варлорде Артуре Волкове. Удивительно знакомый и в то же время чужой мир. Мир, где не было Второй мировой, и где в 2020 году высокотехнологичные армии корпораций спорят за мировое господство с владеющими магией аристократами. Там ему было тридцать пять. Здесь нет и пятнадцати, зато проблем на все сто – ненависть неожиданных родственников, перечеркнутый бастардной перевязью герб, презрение окружающих и запретный дар, применение которого грозит смертной казнью.

© Делакруз А., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	34
Глава 6	44
Глава 7	56
Глава 8	59
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Алекс Делакруз

Варлорд. Северное Сияние

Том I

Глава 1

Корпус, в котором располагалась столовая, напоминал криво воткнувшуюся в землю летающую тарелку. Футуристическая конструкция из стекла и бетона, с царством ослепительно-белого в интерьерах, чуждо контрастировала с серостью тоскливой осени, царствующей за панорамными окнами.

Не только диск здания столовой, но весь комплекс, куда переехала гимназия имени барона Александра Витгефта, был построен в стиле хай-тек: словно не одна летающая тарелка, а целая эскадра космических кораблей внеземной цивилизации приземлилась здесь, на острове Ягры в устье Северной Двины.

Впрочем, вид из окон столовой открывался не на остальные занятые гимназией корпуса, а на Большую землю, отделенную от острова Никольским заливом. И среди серой ноябрьской хмари на другом берегу единственным ярким пятном выделялись синие и золотые купола Николо-Корельского монастыря.

Северная погода – по всеобщему впечатлению – встретила прибывших с юга страны гимназистов примерно с такой же приветливостью, какая бывает у ласкового удара мокрой тряпки по лицу. И если поначалу казалось, что можно привыкнуть, то сейчас, в середине ноября, после полутора месяцев без настоящего теплого солнца, пейзаж за окном вызывал уныние практически у всех.

Ясноглазая Наденька одна из немногих взирала на окружающий мир с восторгом юного натуралиста, для которого у природы нет плохой погоды. Эльвира же, как и Илья, о погоде высказывались в сдержанном, но негативном ключе. Особенно когда Андре устраивал нам многокилометровые марш-броски по окружающим город сопкам. Черноглазый Модест комментариев себе не позволял, но было видно – он, привыкший к гораздо более комфортному климату, страдает сильнее всех.

– Ну, хотя бы не Норильск, – пробормотал я негромко, нарушая повисшее молчание.

– Что? – поинтересовался только присевший за наш стол Валера.

– Не «что», а «где», – моментально отсек я его, возвращаясь взглядом к тарелке с овощным салатом, который все никак не мог победить.

– И где?

– Там.

– А там что?

– А там глухих повезли, – пожал я плечами, насаживая на вилку крупный кусок авокадо.

Мое меню теперь от меня не зависело и было составлено диетологами гимназии по заявке Андре. И почему-то моя нелюбовь к некоторым продуктам не учитывалась вовсе, хотя информация об этом у составителей наверняка имелась в личной карточке. Хотя может быть, дело именно в этом.

– Чем тебе не нравится Норильск? – не сдался Валера, предсказуемо забирая у Модеста чай.

– Валер, это мой чай, и он невкусный... – начал было темноглазый оруженосец сибирской царевны, но Валера от него только отмахнулся. Модест пожал плечами и отвернулся. Выгля-

дел он, кстати, совершенно спокойно, хотя вчера даже пробовал после подобного с Валерой разборки устраивать. Смирился?

– Чем мне не нравится Норильск? – между тем недоуменно переспросил я и невольно задумался.

После того как побывал в Норильске (в прошлой жизни), понял, почему дежурные жалобы петербуржцев на климат вызывают у непробиваемо спокойных северян лишь снисходительную улыбку. Потому что все присказки, которыми описывают столичные жители свой климат, по типу «здесь три месяца холодно, а остальные девять – очуметь как холодно» или «да было у нас лето, просто я в тот день работал» относятся в первую очередь к Норильску.

– Купаться там неудобно очень, – нашел наконец я вполне нейтральный ответ.

– Чем же? – поинтересовался Валера, держа на весу кружку с горячим чаем, все никак не собравшись сделать первый глоток.

– Там дно водоемов даже летом не оттаивает. И поэтому даже комфортно не встать передохнуть. Если ты, конечно, понимаешь, о чем я, – выдал я самую мерзкую улыбку, на которую был способен.

Илья, судя по взгляду, единственный из всех догадался о смысле сказанного. Широкоплечий светловолосый крепыш постарался сохранить невозмутимость, но не выдержал и пару раз негромко хрюкнул, сдерживая рвущийся смешок.

– Ты чего? – поинтересовался Валера у Ильи, на котором сейчас скрестились взгляды всех присутствующих. Нет, не всех – Модест то и дело поглядывал на свой чай в руках Валеры.

– Анекдот он забавный вспомнил, – пришел я на помощь Илье, отвлекая внимание.

– Какой анекдот? – снова повернулся ко мне Валера.

– Про пятнистых змей, – широко улыбнулся я. Все же багаж целого культурного пласта, незнакомого этому миру, позволяет использовать многие шутки эксклюзивно и по-настоящему в первый раз.

Но продолжить привычную пикировку с принцем не удалось – Валера все же отхлебнул забранный у Модеста чай. Глоток он сделал хороший и после моментально изменился в лице. Ненадолго, очень быстро вернул себе спокойствие, но выражение лица говорило о предельной собранности и задумчивости. Выплевывать чай Валера не стал, но и глотать ему почему-то не хотелось.

– Валер, я предупреждал, что он невкусный, – негромко произнес Модест, всем видом показывая, как он переживает случившийся казус. Валера только сверкнул глазами, поднялся и быстро направился в сторону выхода, так и не решившись ни проглотить, ни выплюнуть чай прямо здесь.

На ходу он едва не столкнулся с Анастасией, которая двигалась со своим подносом к нашему столу. Проводив взглядом Валеру, она подошла к столу, поставила поднос и вновь бросила короткий взгляд вслед торопливо уходящему принцу.

– Что это с ним? – поинтересовалась княжна, осмотрев присутствующих подсвеченным слабым ультрамариновым сиянием взглядом.

– Климат местный обсуждали, – меланхолично пожалла плечами Эльвира, – не выдержала душа поэта, видимо грустить ушел.

– А что не так с климатом? – недоуменно глянула Анастасия сначала на Эльвиру, а после на лучившегося гордостью восстановленного достоинства Модеста.

– Там, если ты не заметила, не только Архангельск, но еще и ноябрь, – показала между тем Эльвира княжне на серую хмарь за окном.

Анастасия только плечами пожалла – ей, работающей с ледяным пламенем адепту водной стихии, минусовая температура неудобств никаких не доставляла. И она единственная из присутствующих за столом пользовалась стихийной силой источника, а это – как хорошо помню, даже визуально делает мир ярче. И сейчас княжна, даже когда ее глаза не сияют ультрамари-

ном ледяного пламени, видит окружающее в холодных синих цветах. И осень за окном для нее подкрашена более ярко, словно изображение на мониторе с преобладающим балансом синего.

– Вы в Астрахани в июле не были, если уж о плохом климате речь, – после некоторой паузы так же меланхолично, как и Эльвира ранее, произнесла княжна, принимаясь за еду.

– Отличный климат в Астрахани. В июле тоже, – ровным тоном ответила Эльвира и обернулась ко входу в столовую, потому что выплюнувший чай Валера уже возвращался.

В руках он держал бутылку воды, из которой то и дело отхлебывал. Как раз в этот момент Валера проходил между двумя столами с новыми, недавно принятыми на обучение гимназистами – сплошь девушками. И, конечно же, он совершенно нечаянно задел стул, учинив локальный разгром. Сразу не меньше десяти гимназисток обернулось на Валеру. Выглядело это... немного пугающе, если честно. Потому что все десять обернувшихся были адептами ледяной стихии, и смотрели за Валерой сейчас сплошь подсвеченные ледяным пламенем глаза.

Впрочем, в этом мире Игру престолов, кроме меня, никто не видел, и никто подобных моим чувств не испытывал. Валера между тем подмигнул синеглазым девушкам «Ледяного» факультета, разослал сразу несколько воздушных поцелуев и вернулся к нашему столу.

– Не нашла еще общий язык? – словно ничего не произошло, поинтересовался Валера у Анастасии, подбородком дернув в сторону группы снежных королев. Княжна только усмехнулась и головой покачала.

Я раньше не обращал особого внимания, но в Елисаветграде она единственная из всех моих знакомых юных одаренных оперировала стихией Воды, используя холод. Сейчас же, после переезда в Архангельск, адептов ледяного пламени в гимназии оказалось огромное количество. Как раз вследствие переезда – потому что из Елисаветграда выехала едва половина гимназистов. Но количество обучающихся осталось прежним – часть классов перевели из императорской школы Аврора, находящейся на другом берегу от нас, на территории Николо-Корельского монастыря. Расширение Авроры давно планировалось, и комплекс зданий, в который переехала гимназия Витгефта, изначально строился именно для знаменитой на весь мир императорской школы.

Ситуация с переездом и отчуждением новейших корпусов возникла довольно щекотливая – в Авроре, естественно, подобному никто не обрадовался. Напряженности добавило еще и то, что уязвленные ситуацией руководители Авроры не подумали соблюсти даже минимум приличий: ряды гимназии Витгефта пополнили имеющие самый низкий рейтинг ученики – в пику практике, когда в подобных ситуациях переводили классы целиком, делая исключение лишь для отдельных учеников. В это же раз просто взяли весь подвал таблиц личного рейтинга – как успеваемости, так и магических способностей.

Кроме внешнего напряжения, существовало еще и внутреннее: в необжитых еще стенах гимназии Витгефта между старыми и новыми гимназистами отношения пока оставались весьма холодными. В прямом и переносном смысле, особенно учитывая профиль большинства новых учеников (в подавляющем большинстве учениц).

Ситуация осложнялась тем, что беженцев – как нас за глаза называли, количественно было не больше отщепенцев или балласта, как некоторые из «старых» гимназистов называли за глаза местных. Поэтому естественным образом возникло прямое соперничество примерно равных групп, с показательным друг от друга отчуждением. Конечно, атмосфера в столовой гимназии сейчас казалась не столь взрывоопасной, как в последние недели обучения на старом месте, когда в преддверии грядущих событий произошло разделение на «имперцев» и «республиканцев». Но ощутимая линия водораздела незримо присутствовала. В общем, ситуация со всех сторон сложилась не очень приятная и даже гнетущая. Осень еще эта...

В этот момент через несколько столов от нас разговорились три гимназистки, переведенные из Авроры. При этом в ходе бурного спора одна из них настолько увлеклась, что в череде пулеметных фраз из русского и французского, повышая голос, перешла на поморский говор.

– Меня пока к себе не принимают, я еще не прошла тест на произношение, – негромко сказала Анастасия, вызвав у всех за столом легкие улыбки. Своеобразный местный северный выговор, с упором на протяжные гласные в окончании слова, от местных новичков практически не слышали, но он был постоянным предметом для шуток. Среди своих, конечно же, – от чужих можно и приглашение на дуэль получить.

После слов Анастасии за столом вновь повисло молчание.

– Ну... зато можно на выходных на доске выбраться покататься. Кто-нибудь хочет? – вновь нарушая тишину, произнес я.

– Как? – переспросил Валера, судя по виду, совершенно не поняв смысл мною сказанного.

– Как глухих повезли? – посмотрел я на него.

– На какой доске? – с видимым пренебрежением нахмурился он. – Ты перебрал северной погоды?

– На обычной доске, Валер, – удивился я.

– Артур?..

– Валер?..

– Артур, я понимаю, что ты вырос в местах, где снега не видели, но...

Валера замолчал, делая многозначительную паузу, за время которой я вдруг поразился удивительной догадке.

– Но что? – уже понимая, в чем дело, переспросил я.

– По снегу с горки не катаются на досках, – менторским тоном произнес Валера. – Технически, конечно, так можно назвать две тщательно технологически обработанные доски, но и то не все, потому что в основном все же используется пластик. И это принято называть лыжами – запомни на будущее. Лыжи надеваются по одной на каждую ногу, используются в комплекте с лыжными палками, предназначенными для удержания равновесия. Есть еще санки или ватрушки, но это для младшего школьного возраста.

– Вот как... – протянул я, не скрывая самого настоящего удивления.

– Вот так. Видишь, твой внутренний варвар сделал еще один маленький шагок к освоению лежащего за границей Калифорнии мира. Можешь сказать мне за это спасибо.

Однажды я при Валере упомянул неосторожно, что мне, как прибывшему из Британской Калифорнии варвару, свойственно ошибаться, и он теперь беззастенчиво использовал мою ремарку. Впрочем, сейчас я даже внимания на попытку уязвить не обратил, в этот раз оставляя победу за ним. Потому что размышлял о том, что в этом мире просто не получил распространение сноуборд.

«I've got the snowboard under my feet, – зазвучали в памяти слова песни, текст которой хорошо помнил, – I can fly so high, I can fall so deep...»

– Snowboard? – посмотрела на меня княжна, уловившая эхо возникшего мыслеобраза. Очень внимательно посмотрела, поскольку голос воспоминаний у меня прозвучал женский – вокалистки группы Guano Apes, которые стали по-настоящему знамениты после исполнения написанной к чемпионату мира по сноуборду песни Lords of the Boards.

– Снежная доска? – ухватился за слово Валера. – Знаешь, я привык, что в Америке считают, что у нас по улицам белые медведи ходят, но не думал, что вы даже не знаете, что такое лыжи...

– У вас – это где, в Месопотамии? – поддела его Анастасия.

– Не усложняй, – легко уклонился от ее шпильки Валера и вновь посмотрел на меня: – Как ты это представляешь? Снять, допустим, межкомнатную дверь, прийти на горку и...

Валера продолжал что-то говорить, шутя и смеясь сам с собой, пользуясь моим молчанием. Я же внешне на его слова реагировал, все же сделав над собой усилие и доедая салат. Ограничивался лишь редкими «угу» и «ага», в это время полностью уйдя в себя.

За последние полтора месяца после переезда из Елисаветграда в Архангельск событий в моей жизни уместилось меньше, чем за несколько дней во время памятного визита в Петербург или двух поездок в Высокий Град. Да, была учеба в гимназии, тренировки темных искусств с фон Колером, тренировки практической стрельбы и городской охоты с Андре, контроль хозяйственной деятельности Зоряны и Фрийдмана, который воевал за имущество рода Власовых; конечно, это все расслабиться не позволяло, но все же у меня появилось достаточно времени отдохнуть и просто прийти в себя.

Пользуясь свободным временем, я много размышлял, смогу ли применить здесь знания из своего мира. И не могу сказать, что придумал что-то дельное. Этот мир, с появлением в начале двадцатого века одаренных, пошел по иному пути, и многие мои знания были ему просто чуждыми. А технологически во многих аспектах местная реальность вовсе ушла далеко вперед, так что мне, наоборот, приходилось догонять развитие, расширяя понятийный аппарат.

Но больше от идеи даже предварительных расчетов привнести что-то новое меня отводило нечто другое. Ведь для того чтобы занять пустующую нишу, даже если ее найду, требовалось предпринимать поистине титанические усилия: для производства, казалось бы, элементарной вещи необходимо часто развивать даже не одну отрасль. Да и я, как гуманитарий, вряд ли смогу воспроизвести технологическую цепочку сложнее, чем производство английской булавки. Это еще не говоря о востребованности новинок в обществе – что вообще лотерея, даже не беря в расчет технические вопросы продвижения или сбыта.

Да, есть и другие пути. Можно позаимствовать собственность интеллектуальную, но... Написать историю о мальчике-волшебнике-который-выжил? Да даже если я смогу это сделать или найти грамотного исполнителя, рассказав ему вехи сюжета и желаемый стиль изложения истории, перспективы у подобной книги так себе. Далекое не факт, что популярные в моем мире вещи взлетят здесь – совершенно другое восприятие мира, иные направления массовой культуры.

Даже в моем мире сверхпопулярные вещи, будучи написанными не в свое время, вряд ли приобрели бы признание – ну какую популярность мальчик-волшебник получил бы, допустим, во время Карибского кризиса? Тем более есть и другие примеры – изобретатель велосипеда потратил всю жизнь на свое детище, умер в нищете, а его творение приобрело признание только много после.

Но со сноубордом же совершенно иной случай. В Америке наверняка давно есть сноусерф, к которому здесь Джейк Карпентер по каким-то причинам не приделал ножные крепления. Так, как это произошло во второй половине двадцатого века в моем мире, создав столь простым на первый взгляд действием новую сверхпопулярную субкультуру.

И ведь здесь, в этом мире, широко распространены и популярны горные лыжи – вокруг Архангельска больше двух десятков курортов на любой вкус и кошелек, с уже давно насыпанным искусственным снегом. Горнолыжных курортов, куда мне все никак не выбраться.

Конечно, будь я простым парнем с улицы, перспектив со сноубордом никаких бы не было – такие гении-изобретатели табунами пороги инвесторов околачивают. Но сейчас сама ситуация благоприятствует. У меня есть средства и специально обученные люди, вернее возможность их найти.

Найти тех, кому можно поручить выполнение работ на основе словесных объяснений и кривого эскиза – художник из меня такой же прекрасный, как и технарь. И самое главное, у меня есть окружение, которое позволит быстро популяризовать этот вид спорта. Потому что на признание в моем мире сноуборду потребовалось немало лет, а в Европе сноубордистов долгое время даже не пускали на большинство горнолыжных курортов.

– Ловушка псевдоэлитарности коварна, – выходя из состояния спокойной задумчивости, глянул я Валере в глаза, сбив его на полупhrазе фантазий о катаниях с гор на дверях.

Замолчав, принц внимательно на меня посмотрел, не став переспрашивать.

– Человек животное стадное, – продолжил я мысли вслух. – И при достижении определенного уровня благополучия он стремится в первую очередь быть не хуже других. А когда человек достигает определенного уровня достатка, позволяющего не напрягаться мыслью о перспективе завтрашнего дня, то он и вовсе старается выделиться из толпы.

– Ты это к чему? – поинтересовалась заинтригованная вдруг моими словами Эльвира.

– Я это к тому, что с ростом благосостояния наступает момент, когда индивидуальное потребление для отдельного члена общества в первую очередь становится демонстрацией социального статуса, – объяснил я и обернулся к Валере: – Сколько твой Inseguimento стоит?

– А я не знаю, – пожал плечами принц.

Совсем недавно Валера отпраздновал свое первое совершеннолетие (отлично погуляли) и по этому поводу приобрел себе личный автомобиль. Маску обычного парня Валеры Медведева персидский принц снимать и не думал, поэтому был куплен достаточно скромный для его настоящего статуса Альфа-Ромео, используемый итальянской полицией и называемый «Перехватчик».

Не суперлюкс, но все же достаточно недешевый и статусный автомобиль. Inseguimento внешне сильно напоминал Мустанг шестьдесят восьмого года, только со встроенным альфа-ромеовским щитом в радиаторной решетке и был весьма популярен у молодежи.

– Девятьсот рублей, плюс-минус, – прикинул я цены. – Видишь, ты даже не знаешь, сколько он стоит. А кто-то для того, чтобы приобрести себе такой автомобиль, тратит свой годовой доход, а иногда и большую сумму, влезая в кредиты. А знаешь зачем?

– И зачем?

– Затем, чтобы прикоснуться к другому, более высокому, уровню мира, хоть немного стать его частью. Потому что на таких, как у тебя, машинах ездят самые разные люди – не только аристократы, но и владельцы заводов, газет и пароходов. На такой, как у тебя, машине, бывает, даже принцы ездят. Вот ты, Валер, видел в жизни принца хоть раз? Я имею в виду настоящего принца, всамделишного?

Модест, обычно сохраняющий каменную невозмутимость, в этот момент демонстративно хмыкнул – он до сих пор почивал на лаврах после авантюры с чаем (разбавленным, видимо, вместо сахара солью). Валера, впрочем, на него сейчас даже внимания не обратил.

– Знаешь, что дважды повторенная шутка уже так себе шутка?

– Зависит от ситуации. Бывают моменты, когда дважды повторенная шутка становится в два раза смешнее.

– Можешь повторить еще в третий, глянем на результат.

– Валер, ты бываешь таким нудным, что аж зубы вяжет.

– Ты к чему все это рассказывал-то? – откинувшись на спинку кресла, напомнила о себе вопросом Эльвира, опередив открывшего было рот Валеру.

– А! – вспомнил я, вообще с чего все началось. – Если дать человеку возможность прикоснуться к жизни другого мира, причем поместив его в условия, где нет ни эллина, ни иудея, еще и за сумму в десять раз меньшую, чем стоимость купленного тут недавно одним пареньком итальянского ведра с гайками...

– Что? – не выдержал такого наглого выпада Валера.

– ...то можно будет создавать своих богов, строить новые империи и культуры, – закончил я.

– Ты это сейчас про сноуборд? – с некоторым недоумением поинтересовалась Эльвира.

– Купи межкомнатную дверь и иди с ней на гору, прикоснись к миру богов, – ответил за меня Валера и постучал пальцем по виску. Я в ответ только выдал широкую дежурную улыбку, совершенно не расстроившись.

– А... – понимающе вдруг покивал Валера, – это у тебя идеи такие от страха перед ареной?

– Какой ареной? – вообще не понял я, о чем речь.

– Валера, ну что ты... – осуждающе посмотрела на него Эльвира и взмахнула рукой. Мгновением позже вокруг нас закружился вихрь поглощающего звука и размывающего изображения купола.

– Ой да ладно, а то никто не знает, чем мы все вместе в темноте занимаемся, – отмахнулся было Валера, но под взглядом Эльвиры извиняющимся жестом поднял руки. – Все, прости-прости, был неправ. Больше не буду нарушать конспирацию.

– Мизинец себе отруби, чтобы честь сохранить, – посоветовал я ему и обернулся к Эльвире: – Так что за арена?

– Сегодня у вас практическая демонология и визит на арену. Даже я знаю, – опередила всех с ответом Анастасия.

– Ты-то откуда знаешь? – удивился я.

– Хвастался тут кое-кто перед твоим ординарцем, что скоро научится управлять существами из нижних миров и после запряжет его в собачью упряжку. Пальцем ни на кого показывать не буду, – выразительно посмотрела Анастасия на Валеру.

Я только головой покачал, всем видом показывая, что у меня нет слов. Судя по виду, Эльвира была со мной полностью солидарна.

– Ладно, арена так арена, – поднялся я. – Пойду, мне еще к Марьяне Альбертовне надо зайти...

– Я тоже пойду, – одновременно поднялся со мной Валера.

– Валер, останься, пожалуйста, ненадолго. Разговор есть, – тоном, не предвещающим ничего хорошего, попросила принца Эльвира.

Подмигнув и одобряюще показав Валере большой палец, я поднялся и с легким усилием преодолел тут же сомкнувшуюся за моей спиной пелену купола. Двигаясь к кабинету директора, все размышлял насчет сноуборда. Идея интересная, но где найти время?

Уже через пару недель начало отборочных матчей национального турнира за приз принца Ольденбургского. Кроме того, впереди еще три светских мероприятия, в числе которых знаменитый Бал дебютанток. Демонология эта еще практическая совсем не вовремя – с ней у меня отношения ну никак не складываются. И с учетом того, что случилось на последнем занятии, посвященном демоническому пламени, ничего хорошего от сегодняшней лекции ждать точно не приходится.

Глава 2

Марьяна Альбертовна, директор императорской гимназии имени барона Александра Витгефта, когда я зашел, даже взгляд на меня не подняла, настолько сосредоточенно над чем-то размышляла. Ну как размышляла – просто делала вид, предполагаю. Потому что сам, в прошлой жизни еще, тоже, бывало, принимал такую позу – опустив лицо чуть вниз и подперев голову руками; подушечки больших пальцев под скулы, остальные на лоб, по линии роста волос, а мизинцы на переносицу. Таким образом легко отдохнуть и расслабиться можно, имея при этом предельно рабочий, задумчивый вид. Главный же плюс в том, что совсем не заснешь и не уронишь голову, обратив на себя внимание на совещании.

Когда я зашел, Марьяна Альбертовна не сразу подняла голову. Как есть, расслабилась в полудреме – увидел я, как она не сразу сфокусировала на мне взгляд покрасневших глаз.

Впрочем, заминка длилась доли секунды. Поймав мой взгляд, директор жестом показала на гостевое кресло. Когда я присел, Марьяна Альбертовна порывисто встала и прошла к окну, вглядываясь в серую хмарь. Вид из ее кабинета наверху главной башни, стрелой шпиля достигающей почти до самых тяжелых, низких облаков, открывался на всю гимназию, занимающую большую часть острова Ягры.

Пока я разглядывал из-за спины директора открывшуюся картину, испытал ощущение, словно смотрю на отдельное поселение колонистов на чужой планете. Насколько ярко и чужеродно выделялась современная архитектура на раскрашенном осенью в серое острове, омываемом свинцовыми водами северного моря.

Пока наблюдал за белоснежными, подсвеченными холодным синим сиянием постройками, пытался догадаться, зачем она меня вызвала к себе. Директор же по-прежнему разглядывала пейзаж за окном, напряженно вглядываясь вглубь своих мыслей. Сам внимания к собственной персоне не привлекал. Марьяна Альбертовна, даже несмотря на кукольную внешность – ясные глаза и смешные кудряшки, производила впечатление человека, с кем связываться не стоит.

Поэтому я дисциплинированно ожидал. Только теперь разглядывал красно-оранжевый флаг с гербом гимназии – орлом и солнцем, висящий над столом директора. Мне тоже есть не только о чем подумать, но и над чем поспать с открытыми глазами.

– Артур Сергеевич, – обернулась ко мне наконец хозяйка кабинета.

– Да, Марьяна Альбертовна, – встрепенулся я, переводя взгляд от раскинувшего крылья орла гимназии и возвращая собранность.

– Вы помните наш разговор в начале учебного года, состоявшийся в присутствии Валерия Георгиевича?

– Прекрасно помню, – просто ответил я.

Еще бы не помнить. Директор тогда устроила нам обоим довольно чувствительный разнос, потому что мы оба, став старостами своих классов, самоустранились не только от клубных, но и от общественно полезных дел – сената, визитов вежливости в другие школы для обмена опытом и прочих знаковых мероприятий. Хотя на нас, как оказалось, директор имела весьма определенные виды. Но если Валера об этом знал и просто беззастенчиво-нагло соскочил, то я просто не был в курсе. И никакой вины за содеянное не чувствовал.

– Ситуацию, в которой оказалась гимназия с переездом и перспективами еще более низкого падения нашего рейтинга представляете? – поинтересовалась Марьяна Альбертовна.

– Представляю, – кивнул я.

Я на самом деле хорошо представлял возникшую ситуацию и ее грядущие последствия. И более того, я сейчас хорошо понимал Марьяну Альбертовну и всей душой ей сочувствовал. Потому что меньше чем за месяц перевести и наладить образовательные процессы в заведении

ее уровня – это само по себе непростая задача. Но суматошный переезд с насиженного места был самой малой причиной для головной боли Марьяны Альбертовны.

Вопрос грядущих перспектив рейтинга обсуждался среди гимназистов не раз и не два, тем более среди своих. Гимназия Витгефта, о чем свободно говорила сама директор, и так была бессменным обитателем подвала рейтинга императорских образовательных учреждений. Впрочем, особого урона ни репутации учебного заведения, ни репутации учеников это не наносило – из-за многолетней и кропотливой работы, проделанной Марьяной Альбертовной на прежнем месте.

В гимназии Витгефта учили управлять тремя базовыми стихиями – Огнем, Воздухом и Водой. Кроме того, в гимназии присутствовала знаменитая на всю Конфедерацию кафедра целителей, а рекомендация «целитель от Витгефта» открывала самые разные двери в жизнь выпускникам гимназии. Именно кафедру целителей Марьяна Альбертовна холила и лелеяла долгие годы, вкладывая в ее развитие большую часть наличных ресурсов.

Все целительницы, обучающиеся в гимназии в Елисаветграде, отличались зеленым магическим сиянием глаз. Для лечения они использовали природную силу на основе стихии Воды, и пышущий жизнью южный регион для обучения подходил как нельзя лучше. Но это было на пышущем теплом и жизнью Юге, а мы сейчас оказались на Севере. Там, где природным целительницам не только учиться, но и работать, применяя свою силу, некомфортно. Так что вся кафедра целителей в полном составе была переведена в Белгород, в императорскую школу Белогорье.

Здесь же, на севере России, потребность Северной флотилии и Арктических бригад Русской императорской армии в одаренных обеспечивали школы, расположенные по большей части близко к полярному кругу. Специфика действий на севере – Арктику здесь делили гораздо более активно, чем в моем мире – предполагала комплектование частей боевыми магами из адептов Огня и Воды (в основном Льда). Целители же работали не с силами живой природы, а с астральным планом. Мистики, как их называли. Именно эту школу магии отличало фиолетовое сияние глаз, с которым я впервые столкнулся, увидев Ольгу.

По итогу в Архангельск гимназия переехала без своих сильнейших учеников, все согласованные планы обучения полетели в тартарары, а состав обучающихся «приятным» бонусом был дополнен отщепенцами из Авроры, для которых у Марьяны Альбертовны еще и не было в наличии профильных профессионалов преподавательского состава. Просто замечательная ситуация: сразу даже не определишься, какие дыры латать – хозяйственные или грядущие репутационные, потому что соревновательное значение рейтинга учебных заведений никто не отменял.

– Артур Сергеевич, как вы относитесь к тому, чтобы сложить с себя полномочия старосты класса и поучаствовать в общественной жизни гимназии? – поймав мой взгляд, поинтересовалась директор.

– Отрицательно отношусь, Марьяна Альбертовна, – после секундной паузы ответил я.

Мог, конечно, задвинуть минутную тираду ни о чем на чиновничьем языке, но делать этого не стал. Директор далеко не проста, обидеться может. Но и соскакивать с синекуры желания у меня никакого нет, и так света белого не вижу. И не потому, что темнеет в четыре часа вечера, а потому, что дел навалом. Еще и идея со сноубордом столь привлекательная...

– Еще бы не относиться отрицательно, Артур Сергеевич. Учитывая, что все обязанности за вас выполняет Надежда Геннадьевна, – покачала головой директор.

В ответ я только плечами пожал. Спорить смысла нет – ясноглазая Наденька, которая была старостой в прошлом году, оказалась для меня просто незаменимой находкой. Она, будучи лишена персональной ответственности, которую на себя взял я вместе с должностью, просто преобразилась – ушло ненужное стеснение, и пришел бронебойный энтузиазм. Вот что

значит подходящие условия для работы – из Наденьки получился бы просто идеальный исполнительный директор, ответственный за организационную и операционную деятельность.

Так что за минувшие полтора месяца, пока весь преподавательский и ученический (по типу сената гимназии) состав носился как угорелый, затыкая многочисленные дыры, я избавился от головной боли самых минимальных обязанностей. Обязанностей, которые даже у обычного гимназиста занимали время до вечера. И в результате этого смог максимально сконцентрироваться на тренировках и личных делах.

– Мы усиленно готовимся к турниру, вы же знаете, – нарушил я осторожно повисшую паузу. – И задачи одерживать победы, добравшись до золотой сетки, с нас никто не снимал.

– Знаю, – кивнула Марьяна Альбертовна. – Но все же рискну попросить вашей помощи. Оу. Не нравится мне это – с козырей зашла.

– Всегда рад вам помочь... если это будет в моих силах, – осторожно произнес я.

Марьяна Альбертовна, которая, судя по всему, видела меня насквозь, только усмехнулась.

– У меня к вам будет непростая и весьма деликатная просьба.

– Весь внимание.

– В грядущем турнире, выполняя наши предыдущие договоренности, вам необходимо не только отобраться в золотую сетку.

– Но и...

Марьяна Альбертовна отвечать не стала. Вместо этого она вызвала свое управленческое интерактивное меню и легким нажатием активировала воспроизведение – на сайте, как я успел заметить, Мессалина – закрытого видеохостинга для узких кругов.

Возникшая на полкабинета трехмерная проекция (практически неотличимая от реальности) показала нам помещение со школьными партами, где находилась затянута в черный блестящий латекс дама, двое вооруженных охранников в броне корпоратов и пара подростков – парень и девушка. Оба в синей школьной форме, у юноши яркий красный галстук, у девушки такая же красная юбка.

С нескрываемым интересом я смотрел, как светловолосый, худощавый и абсолютно незнакомый мне паренек с поникшими плечами встает из-за парты. С откровенно жалким видом он направился по проходу между партами. Его спутница шла с другой стороны прохода, причем было видно, что руки подростков скованы длинной цепью, которую приходилось приподнимать. Вот как раз сейчас цепь зацепилась за парты, загремела мебель, и скованный страхом парень, вызывающий жалость одним своим видом, едва не упал. Он принялся неуклюже и суматошно поправлять сдвинутую мебель. Стало заметно, что его спутница, глядя на суетливые движения напарника, также начинает поддаваться панике.

Но какой-то краткий миг, и ситуация полностью изменилась – паренек вдруг стремительным прыжком разорвал дистанцию и отправил в глубокий нокаут одного из охранников, зарядив ему в опрометчиво открытое забрало. После, словно танцуя, он выхватил из кобуры падающего корпората пистолет, одновременно ударив ногой с разворота в голову женщине, заткнутой в латекс. Учитывая, что рука главного героя видео была скована цепью с его спутницей-школьницей и двигался он избегая этой помехи, происходящее завораживало.

Завораживало тем более, что камера крутилась вокруг участников событий; то и дело в эффекте замедленного движения изображение рвалось чередой повторов с усилением громкости бодрой музыки, давая возможность рассмотреть происходящее с разных ракурсов, не упустив ни малейшей детали.

Я с нескрываемым интересом наблюдал за тем, как главный герой видео разрядил весь магазин во второго корпората – тот успел опустить забрало шлема, а пистолетная пуля такую броню не берет. Но с толку ненадолго сбить получилось – очередь из десятка пуль с пары

метров бесследно не проходит. После парень с короткого разбега взвился в воздух и ударил дезориентированному серией попаданий корпорату ногами в грудь, отправляя того в окно.

В то время, когда массивная, закованная в броню фигура в ореоле крошки стекла вылетела на улицу, парень уже развернулся. Резким движением он перехватил пистолет за ствол и бросил его словно томагавк, попав в голову уже поднявшейся даме в латексе. От попадания женщина судорожно дернулась, голова ее ушла назад, пятки скользнули по полу, смешно поднимаясь, и она рухнула на пол, откуда только что встала.

Юная блондинка между тем – так, что взвилась красная легкая юбка, бросилась вперед, приседая рядом с отправленным в нокаут корпоратом. Она схватила с пола автомат и кинула его спутнику. Парень, только что бросивший пистолет, со стремительной элегантностью поймал оружие. Высунувшись в окно, он выпустил короткую очередь, пригвождая пытающегося подняться охранника к земле. Вскрытая броня брызнула темной кровью – пулям из АК бронепластины помехой не стали.

Этот момент транслировался уже со стороны фасада здания – так, словно камера вылетела в разбитое окно. И, нагоня драйва в демонстрационный ролик, изображение закрутилось, словно камера находилась в скоростном квадрокоптере, который вдруг затормозил, оказавшись совсем рядом с лицом парня.

Крупным планом появился прищуренный глаз, вжатая в щеку приклада скула, а после изображение плавно перетекло по направлению линии прицеливания. И без малейшей задержки – вместе с вылетевшей из ствола пулей, скакнуло вперед. Туда, где по изумрудно-зеленому футбольному полю бежала другая пара участников смертельной игры. В такой же школьной форме, как и разобравшиеся с корпоратами и латексной дамой подростки, только с другим цветом галстука и юбки. Картинка скакнула стремительно, влетев в бедро бегущего парня, и на экран на миг брызнуло бордовой пеленой.

Раздался глухой звук попадания пули в кость, громкий крик боли, на картинке завертелось закрутившееся небо. Камера в этот момент отлипла от раненого парня, рухнувшего на газон, крупным планом показала остановившуюся девушку-японку с неестественно, по-анимешному большими глазами. Обреченная девушка замерла, обернувшись к виднеющемуся в окне убийце своего спутника.

Камера крупным планом выхватила ее лицо, приближаясь все ближе, пока весь экран не занял глаз девушки. Но и после этого приближение не остановилось, погружаясь в расширившийся зрачок. В отражении которого через мгновение, словно в зеркале, получилось увидеть целящегося из автомата в девушку стрелка в окне. Сверкнула дульная вспышка, и в мелькнувших языках пламени появилась заставка шоу для избранных.

Видео, надо сказать, производило сильное впечатление. Оно было так смонтировано, что напоминало трейлер-синематик какой-нибудь суперпопулярной игры, созданный при помощи компьютерной графики. За подобный ролик я бы и мог его принять, если бы не одно но: очень хорошо помню тот день. И сам выставочный ивент-турнир смертельной схватки, в котором принимал непосредственное участие. Да, меня на видео не узнать – подкорректировали не только лицо, но и фигуру. Здесь я даже был выше Зоряны, которая также изменилась до неузнаваемости.

После просмотра ролика у меня возникло сразу несколько важных вопросов, но задавать их нужно явно не директору гимназии. Поэтому я, выдержав короткую паузу, глянул на Марьяну Альбертовну. Единственное, хотел было поинтересоваться, откуда она взяла это видео. Не стал. Сам могу узнать, не думаю, что это будет так сложно.

– Занимательное видео. Впечатляет.

– Да, меня тоже равнодушной не оставило, – кивнула Марьяна Альбертовна. – И просьба моя, Артур Сергеевич, будет заключаться в том, чтобы вы в грядущем турнире приложили

все усилия для того, чтобы ваши выступления выглядели так же эффектно. Не скрою, мне бы очень хотелось, чтобы ваши действия поражали зрителей подобной элегантностью.

– Это легко выглядит со стороны, но...

– Я все это прекрасно понимаю. Тем не менее просьба моя заключается в том, чтобы в первых кругах вы не просто побеждали, а доминировали. Сложность еще усиливается тем, что при этом вы не должны унижать соперников. Одерживать победы необходимо играючи и красиво. Так же, как и на продемонстрированном мною видео.

Не отвечая, я взял долгую – не меньше минуты, паузу на раздумья.

– Капитан нашей команды – Эльвира, – произнес я наконец.

– Я знаю, – кивнула директор.

– Задача попасть в золотую сетку стоит не только для меня, но и для Валеры.

– Валерия Георгиевича.

– Вы же сейчас разговариваете только со мной.

– Буду откровенна, – откинулась на спинку высокого кресла Марьяна Альбертовна. – С подобной просьбой я могу обратиться только к вам. И более того, если вы согласитесь мне помочь, об этом никто, кроме нас двоих, знать не должен.

– Могу услышать подробности?

– Конечно. Но только если вы примете решение мне помочь.

– А если я откажусь?

– Естественно, никаких претензий к вам иметь не буду. Мы сохраним профессиональные и рабочие отношения, как и положено сторонам, связанным подписанным контрактом.

– То есть при моем согласии я могу рассчитывать на некоторые преференции?

– В плане оценки вашего учебного процесса, конечно же, нет.

– Я совсем не это имел в виду, – даже поднял я руки, обратив их раскрытыми ладонями к директору.

– Всенепременно, я же предлагаю вам взаимовыгодное сотрудничество. Учитывая характер нашей с вами сделки, вы можете рассчитывать как на откровенность с моей стороны, так и на неформальную поддержку.

– Я согласен. Но вы должны понимать, что мое согласие не гарантия обеспечения результата.

– Разумеется, – кивнула директор. – Не буду скрывать, я очень рада вашему решению.

– Теперь позвольте пару вопросов.

– Конечно. Прошу.

– Доминирование в национальном турнире нужно для того, чтобы нивелировать негативный эффект падающего рейтинга гимназии яркой вспышкой интереса к турниру и ажиотажу вокруг побед, если у нас все получится?

– Вы правы.

– Может быть, вопрос покажется неуместным, но все же его задам. Почему беседа происходит лишь со мной, и вы не можете обратиться с подобной просьбой к Эльвире или Валере?

– Эльвира Рафаэловна, учитывая положение ее семьи в последние пять лет, сейчас никак не может быть в центре внимания. И творцами побед, желательно поражающих изящной легкостью, должны быть именно вы с Валерием Георгиевичем.

Под внимательным взглядом Марьяны Альбертовны я кивнул. Действительно, она верно подметила: все наши командные тренировки проходили в том ключе, что роль исполнителей-ганфайтеров доставалась именно нам с Валерой. По аналогии с футболом моего мира – когда для создания голевой ситуации работает вся команда, а слава, лучшие контракты и всеобщее признание достаются завершающим атаки нападающим.

Эльвира, несмотря на то, что была капитаном нашей команды, ролью была схожа с носящим капитанскую повязку вратарем, практически не участвующим в атакующих действиях, зато являющимся именно тем, от кого полностью зависит результат всей команды.

– С Эльвирой ситуация мне ясна, – произнес я.

– Валерий Георгиевич принадлежит к сильному роду и не испытывает недостатка ни в информационных ресурсах, ни в возможностях получения каких-либо преференций. В отличие от вас, я не могу его ничем заинтересовать. И, в отличие от ситуации с вами, моя обращенная к Валерию Георгиевичу просьба не предполагает сотрудничества на одном уровне.

– Вы же приведете мне сейчас пример помощи, на которую я могу от вас рассчитывать? – поинтересовался, прямо намекая на озвученные преференции.

– Конечно. Для примера – в понедельник, для организации и нормализации учебного процесса, в гимназию прибывает отдельная миссия из императорского благотворительного общества. В ее составе будет группа преподавателей, а также известных выпускниц школы Аврора. И среди прибывающих к нам целителей есть некая девица Алина Нелидова. Вы с ней знакомы?

– Встречались пару раз, – кивнул я. – Можно сказать, случайно.

– Уровень владения целительным искусством позволяет привлекать Алину Нелидову к обеспечению безопасности участников грядущего турнира как официального целителя вашей команды. Я могу утвердить ее участие как члена команды сопровождения – о чем мне уже прозрачно намекнули. Но могу и согласовать группу сопровождения, составленную из использующих силу природы целительниц, еще до ее прибытия.

– Впечатляет, – только и кивнул я.

Действительно впечатляет – Марьяна Альбертовна не только сообщила мне о том, что в ближайшее время я встречу с Ольгой, но и, что более ценно, практически прямым текстом сказала, что может при необходимости держать ее от меня на расстоянии. Тем более это впечатляет, что мы сейчас находимся в вотчине Мекленбургов.

– Благодарю за откровенность, – после некоторой паузы произнес я и поднялся.

– You are welcome, – легко улыбнулась Марьяна Альбертовна.

Окружающий мир не был англоцентричным, как привычный мне. И английский язык здесь воспринимался в общении так же, как французский в моем мире. Но французский не был моей сильной стороной, а употребляемые английские идиомы и выражения – когда необходимо было удержаться от более крепких смыслом слов, уже стали моей визитной карточкой «варвара из Британской Калифорнии». И, видимо, об этом знало все больше и больше самых разных людей.

Степенно и без лишней спешки я покинул кабинет. Аккуратно прикрыл за собой дверь и сразу перешел на быстрый шаг, ускоряясь, – времени до начала лекции фон Колера оставалось совсем немного.

От главного корпуса гимназии до учебного полигона, где находилась подземная арена, расстояние было немаленьким. Петляя среди белоснежных, с синей подсветкой корпусов, я перешел на бег, не обращая внимания на недоуменные взгляды редких встречающихся гимназистов.

Глава 3

Новые корпуса, изначально предназначенные для Авроры и переданные гимназии Витгефта, занимали немалую площадь острова. И мне, конечно же, необходимо было в самый дальний конец занимаемой гимназией территории, поэтому пробежаться пришлось изрядно.

Профессор темных искусств барон Максимилиан Иванович фон Колер знает, что я был у директора гимназии, и за опоздание мне, несомненно, сильно пенять не станет. Но он же потом будет напоминать об этом постоянно, а его педантичность и в некотором роде даже занудство уже стали притчей во языцех среди всех тех, кто посещает его лекции. Душу же вынет. Так что, покинув главное здание гимназии, разогнался я даже быстрее ветра.

Арена для одиночных поединков, где проводилась лекция, находилась под землей. Персонала гимназии на входе уже не было, а проходил я в автоматические двери по подтвержденному фон Колером допуску.

За зоной контроля царство белого хайтека уступило место необработанной каменной кладке: внутри арена узнаваемо напоминала римский Колизей. Размерами только гораздо меньше, конечно. Видимо, по традиции императорских учебных заведений предназначенная для одиночных или групповых дуэлей арена выглядела стандартно аутентично, с минимально видимым вмешательством технологий. Наверное, для того, чтобы выполнить общие требования соответствия, чтобы при этом античный вид площадки не выделялся на фоне бело-голубого хайтека корпусов, арену и спрятали под землю.

Овальная площадка здесь также была стандартного размера, точь-в-точь как на малой арене гимназии Витгефта, где я наблюдал дуэль Анастасии и Разумовской. Вот только песка здесь сейчас не наблюдалось, а площадка была закрыта выдвижным синтетическим покрытием темно-фиолетового цвета.

Вместо питанной магической сетки арена по периметру была оборудована самыми современными защитными экранами. Они, по идее, должны защищать зрителей от дуэлянтов. Но сейчас экраны, наоборот, были настроены так, чтобы закрыть нас от всего остального мира.

Лекции по темным искусствам имели самый высокий, красный класс опасности. Официально подобные занятия, конечно же, не проводились, поэтому в расписании у меня сейчас стояла лекция Языческий огонь – фон Колер ведь читал у нас еще и Славянское язычество. Тоже в практических занятиях имевшее красный класс опасности.

На скамьях пустой арены расположилось всего пять человек. Валера, как обычно, занял место чуть поодаль ото всех. Всем видом он демонстрировал усталость от жизни, со скучающей ленцией взирая на происходящее из-под полуприкрытых глаз. Ясноглазая Наденька, чья кавальная внешность периодически все же вызывала у меня подозрения в генетической модификации, наоборот, смотрела на мир с неослабевающим любопытством. За ее спиной уткнулся в ассистант Илья, самый молчаливый из нашей сборной команды гимназии по практической стрельбе. По совместительству еще и являющейся группой одержимых, обучающихся темным искусствам.

Модест и Эльвира, как обычно, сидели совсем рядом друг с другом, в то же время сохраняя показательную дистанцию – как будто вообще незнакомы. Неразлучные и внешне совершенно непохожие – он черноглазый, худощавый, с тонким носом и аристократической бледностью, она – настоящая северная валькирия с толстой косой; внешность, отлично соответствующая ее титулу сибирской царевны.

Расположилась вся команда на первой скамье, прямо напротив стоявшего за невысоким ограждением фон Колера. Профессор провожал меня внимательным цепким взглядом, пока я спускался по проходу. И говорить он начал еще до того, как я присел на скамью.

– Все вы знаете, что у нашего мира есть изнанка. А изнанка – это... Надежда Геннадьевна?

– Одна из граней астрального плана.

– Отлично, Надежда Геннадьевна. А можете сказать, каким образом мы путешествуем в Изнанке?

– С помощью астральной проекции мы покидаем собственное тело, отправляясь в астральный план нашего мира, – без запинки ответила ясноглазая девушка.

– Почему одержимые могут путешествовать по изнанке мира, а одаренные нет? – задал ей очередной вопрос профессор.

Что он, что Андре испытывали необъяснимую слабость к всезнающей девушке, часто превращая свои лекции в ее бенефис и практически не трогая вопросами остальных.

– Фундаментальные различия в природе использования силы, – между тем безо всяких раздумий начала отвечать Наденька. – Суть возможностей владеющих стихийным даром – это Aether. Эфир, или квинтэссенция, пятый элемент. Одаренные люди после активации своего психоэнергетического центра средоточия силы, так называемого источника, могут работать со стихиями. А именно – используя свой источник, черпать энергию стихий из нашего мира, накапливая ее в своем внутреннем резервуаре.

Одержимые люди не работают со стихиями. Мы не принадлежим этому миру полностью, и наша физическая оболочка, в отличие от ауры одаренных, имеет астральный план. Благодаря этому, при должной тренировке концентрации разума, мы можем использовать Тьму из других планов бытия. Не касаясь эфира, так как в этом нет нужды.

– Все согласны с озвученными Надеждой Геннадьевной выводами? – поинтересовался фон Колер.

Несогласных не было. Что и неудивительно – потому что ясноглазая Наденька как по писаному повторяла в точности все то, что говорил нам профессор на самых первых лекциях.

Фон Колер между тем медленно кивнул. Мановением руки справа от него возникло два призрачных манекена. Человеческие фигуры – одаренный и одержимый: у первого вместе со стихийным свечением присутствовала лазурь эфира; манекен, отображающий одержимого, дополнился астральной аурой и серыми лоскутами, так знакомыми мне по визитам в теневую изнанку нашего мира.

– Надежда Геннадьевна, скажите, пожалуйста, что такое астральная проекция?

– Астральная проекция – практика, при которой усилием концентрации наш разум может покинуть физическую оболочку и оказаться за границей нашего плана бытия.

– Можем ли мы, находясь в Изнанке мира, влиять на события в нем?

– Нет, потому что в Изнанке мы находимся бестелесным духом. В форме астральной проекции мы можем только наблюдать.

Фон Колер согласно кивнул и сделал еще один жест, после которого между двумя манекенами появился реалистичный шар планеты. Который был окутан голубоватым сиянием атмосферы и отсвета океанов, смешанных с зеленым цветом континентов. В сравнении с одаренным, подсвеченным лазурью ауры души – эфира, стихийное сияние выглядело очень похоже. Особенно стало похоже после того, как фон Колер вывел на проекцию данные о плотности населения, которые, концентрируясь в районе больших городов, еще более добавили глубины цвета и жизни лазурному сиянию планеты.

– Люди и стихии часть души нашего мира? – негромко поинтересовалась Эльвира.

– Точно сказать этого никто не может, – ответил ей профессор. – Но, согласитесь, выглядит очень похоже.

Фон Колер дал нам несколько секунд посмотреть на манекен одаренного и изображение планеты, после чего сделал еще один легкий жест. Голубоватое сияние земного шара после

этого разбавили серые лоскуты астрального плана, а рядом с планетой появились призрачные и смутные изображения отражений других миров.

Демонстрация оказалось столь наглядной, что никто даже вопросов не задал. И планета, и изображения людей рядом выглядели невероятно похоже. Вот только у одаренного отсутствовал астральный план, а у одержимого – явно видная аура эфира. Планета же совмещала обе ауры.

– Надежда Геннадьевна, в чем разница между заклинанием и конструктом? – поинтересовался после паузы фон Колер.

– Заклинание – это повеление. Конструкт – это создание, плетение.

– Именно так. Одержимые используют гораздо более серьезные силы, чем подчиняющиеся одаренным, и создают плетения. Мы не только создаем, но и повелеваем – чужими силами, ресурсами и даже душами. Делаем то, чего никогда не смогут сделать обычные стихийные одаренные. Какие же конструкты создают стихийные одаренные? Названия? – добавил фон Колер через секунду, уточняя вопрос.

– Ледяная стрела...

– Зимняя стужа, огненный взрыв...

– Девятый вал...

– Воспламенение сущности, метеорит...

– Поцелуй жизни...

– Шаровая молния, ледяной конус...

Профессор оглядывал нас одного за другим, выслушивая названия конструктов, применяемых одаренными. Когда фон Колер счел, что слышал достаточно, он поднял руку и благодарно кивнул.

– Что их все объединяет? Надежда Геннадьевна?

– Это все магические конструкции, основанные на природных явлениях.

– Все верно, – удовлетворительно кивнул фон Колер. – Добавлю только: максимально простые стихийные конструкции.

Выдержав паузу, профессор отступил на несколько шагов. Он закрыл глаза, сосредоточиваясь, а когда открыл, на нас посмотрели два заполненных мраком провала. От уголков век профессора под кожей потянулись быстрые черные змейки, уродуя лицо.

В руке фон Колера материализовалась катана, которая почти сразу подернулась лоскутами мрака. Я узнал этот теневой конструкт – профессор демонстрировал нам его на одной из лекций. Между тем сквозь черные лоскуты видоизменяемого оружия уже проглядывала рукоять с оголовьем в виде черепа, а клинок расплзся в девятихвостую змеиную плеть.

Стеганул по ушам яростный inferнальный визг, и превратившиеся в змеиные тела хвосты плетки забились в ярости. С клыков открытых пастей закапал яд, а на нас дохнуло холодом потустороннего мира.

– Артур Сергеевич, – зазвучал словно отовсюду хриплый голос фон Колера, – будьте добры, сформируйте два клинка Тьмы.

Поднявшись, я прямо по ограде арены отошел чуть в сторону ото всех и поднял руки. Привычный холодок, и вокруг предплечий за клубились лоскуты мрака. С «сырой» Тьмой я уже работал не раз, а под руководством фон Колера уже хорошо отточил навык простейших конструкций.

– Перед вами два конструкта, – вновь зашелестел словно отовсюду голос фон Колера. – Самый простой и грубый, – он дернул подбородком в мою сторону, а после поднял свой пугающий хлыст, – и плетение седьмого ранга.

Змеиные головы с распахнутыми клыкастыми пастьями вдруг прыгнули вперед, истошным визгом нам всем ударило по ушам, а демоническое оружие подернулось лоскутами мрака.

Змеевидная плетка забила в руках профессора, словно нехотя подчиняясь чужой воле, а после окуталась черной дымкой, закрутившейся вихрем лоскутов мрака.

Яростный инфернальный крик вдруг оборвался, оставив после себя только забившееся под сводами арены эхо, а пугающее оружие неожиданно превратилось в черный, густой дым – как от горячей резины. Частично он рассеялся в воздухе, а частью опал на пол в виде черной, неприятной и опасной даже на вид густой жижи. Часть капель прожгла синтетическое покрытие, потянуло запахом жженого пластика, но заработавшая вентиляция быстро справлялась.

Не дожидаясь указания профессора, я отпустил сформированные клинки Тьмы, которые почти сразу растворились в воздухе. Встряхнув руками, избавляясь от покалывающего холодка, я вернулся на место.

– Надежда Геннадьевна, – приходя в себя, произнес профессор почти своим голосом. – Скажите, как вы думаете, к какой школе темных искусств принадлежит примененное мною заклинание конструкта?

Ясноглазая Наденька сразу не ответила. Не ответила она и через несколько секунд, что для нее совсем нехарактерно. Но это совсем не удивительно – не думаю, что сейчас кто-либо из нас мог с ходу дать правильный ответ. Потому что в прошлый раз, когда фон Колер формировал это плетение, он – я хорошо это помню, – избавляясь от него, как будто разорвал границу реальности и выкинул свое живое, ярящееся оружие прочь из нашего плана.

Тогда, после первой демонстрации профессора, мне казалось очевидным, что живая змеевидная плеть – конструкт школы демонологии, призыв покоренного демона. Сейчас же, избавляясь от созданного заклинания, фон Колер сделал то же самое, что и я, – а именно: просто отпустил Тьму от себя, так что она развеялась. А это уже прямой признак Элементарной, или Тайной, магии темных искусств.

Наденька между тем сильно закусил губу и покраснела, пытаясь найти правильный ответ и нервничая из-за возникшей паузы.

– Надежда Геннадьевна, – заметив состояние девушки, успокоил ее профессор. – Не переживайте, если у вас пока нет ответа на поставленный вопрос. Сейчас мы найдем его вместе. Пока же, попрошу вас, расскажите, пожалуйста, нам, что такое сила стихийного одаренного.

– Сила стихийного одаренного – это размер энергии, которую он может сохранить и усвоить для использования, – отчеканила Наденька.

– Все верно, Надежда Геннадьевна. Если говорить прямо, сила одаренного – это размер его источника. А теперь, будьте любезны, дайте определение силе одержимого.

– Сила одержимого – это сила мысли, умение контроля и концентрации. Это уровень его умения в обуздании потока энергии при создании конструктов, а также способность повелевать ими с помощью заклинаний.

– Замечательно, Надежда Геннадьевна. Теперь скажите, пожалуйста, что такое... ледяная стрела?

– Ледяная стрела – это конструкт стихии Воды школы магии Льда, созда...

Едва только Наденька начала говорить, как профессор поднял обе руки, привлекая внимание, и ясноглазая девушка сразу осеклась.

– Мне бы определение попроще. Валерий Георгиевич, думаю, вы сможете мне помочь. Скажите проще, ледяная стрела – это...

– Сосулька? – пожал плечами Валера, даже не переменив своей вальяжной позы.

– Сосулька? – взметнулись брови профессора, а голос его вновь зазвучал словно отовсюду шелестящей Тьмой. От его тона Валера выпрямился и невольно сглотнул.

– Большая сосулька, – произнес он осторожно и напрягся, ожидая последствий. Которые незамедлительно последовали, причем совершенно неожиданные.

– Именно! – даже щелкнул пальцами фон Колер. – Большая сосулька! Заклинания стихийных школ элементарной магии, если обобщать, являются просто большими сосульками.

Если встречаются два мага школы Льда, в их споре поединком победит тот, кто кидает свои сосульки сильнее, дальше или быстрее. Ну, и кто чаще попадает в противника, конечно же.

Каждый конструктор одаренного, как мы уже с вами сегодня говорили, – это зеркало обычного природного явления. И даже его максимальный уровень по сложности исполнения ненамного превышает сложность создания клинков Тьмы, которые продемонстрировал нам Артур Сергеевич. Банальная грубая сила, применяемая в создании конструкторов на основе элементарных вещей и явлений.

Выдав эту тираду, фон Колер помолчал, после чего обернулся ко мне.

– Артур Сергеевич, сложно было создавать клинки Тьмы?

– Нет, – ответил я, совершенно не покривив душой.

– Действительно, ничего сложного, – согласился со мной фон Колер и вытянул руку, вокруг которой сразу закружилась Тьма, формируясь в черный клинок. – Просто представить в руке меч, саблю, нож, да даже оторванную от забора штакетину, простите за определение. Эффект одинаков, в результате у вас в руках грубое и смертоносное оружие. Но, – посмотрел на меня профессор. – Артур Сергеевич, если бы вы попытались отрубить своими клинками хоть один хвост созданной мной змееглавой плетки, как думаете, что бы произошло?

– Точно сказать не могу, но предполагаю, что ничего хорошего для меня.

– Правильно предполагаете, Артур Сергеевич. Эффект для вас был бы похож на попытку потушить костер бензином. Сможете более полно сформулировать причину этого?

– Наверное, потому, что сформированные мною клинки, как и ваше заклинание, являются представителями одной школы. Используя недавнее сравнение – ваша сосулька сильнее.

– И...

– Больше?

– Сложнее и выше уровнем исполнения, Артур Сергеевич, – с явным неудовольствием от моей недогадливости покачал головой фон Колер. – Если соперничество двух одаренных разного ранга – это два встретившихся в океане айсберга, большой и маленький, то соперничество двух одержимых разного ранга... Для сравнения представьте, как авианесущий крейсер нашего Тихоокеанского флота пытается атаковать германская миноноска из девятнадцатого века. Системы активной защиты крейсера уничтожат атакующего наглеца в автоматическом режиме, даже не отвлекая операторов от девочек из социальных сетей, а офицеров от утреннего кофе.

Подождав, пока мы усвоим озвученную разницу, профессор заговорил снова.

– Теперь, после вводной части, можете ли вы мне озвучить вполне очевидный вопрос, к которому я подводил вас этой демонстрацией?

На некоторое время повисла пауза. Когда фон Колер с расстроенным видом собрался было уже заговорить, он увидел взгляд Эльвиры.

– Эльвира Рафаэловна?

– Каждый одаренный, создавая конструктор, использует для этого как образец простейший природный элемент. Артур, создавая только что клинки Тьмы, как образец взял представление об обычном мече, конструкция которого не отличается сложностью.

По мере того как Эльвира говорила, фон Колер кивал, а лицо его разглаживалось. Царевна между тем продолжала.

– Если продемонстрированная вами змееглавая плеть не заклинание призыва школы демонологии, а созданный конструктор... возникает вопрос, что послужило образцом для его создания, и...

– И каким образом я смог получить этот образец, – продолжил за нее фон Колер, жестом показав, что выводом Эльвиры более чем удовлетворен.

Снова выждав паузу, профессор продолжил.

– Пока официально существует четыре школы темных искусств, и каждому из вас предстоит выбрать, на изучение какой из них вы собираетесь делать упор. Но изучение каждой школы немислимо без посещения и изучения Изнанки. И начинается практическое изучение в том месте, где эфир и астрал нашего мира пересекаются с границами других миров. В месте, где астральная проекция обретает плоть. А это значит... Надежда Геннадьевна?

– Это значит, что посещение подобных мест опасно для жизни? – без задержки предположила Наденька.

– Все верно. Посещение подобных мест опасно для жизни, но без них изучение темных искусств невозможно. И сейчас одно из подобных мест, безопасное при условии навигатора в сопровождающих, а также при определенных подготовительных действиях, мы с вами посетим. Прошу, подойдите ближе.

В этот момент у меня появилось нехорошее предчувствие, а на душу легла муторная тяжесть. К сожалению, я, как далекий от мира магии, совсем не предполагал, что адепты темных искусств с предчувствиями осторожны куда более даже, чем авиаторы, не употребляющие слово «последний».

Это была одна из тех очевидных и элементарных вещей, которых я на тот момент еще не знал.

Глава 4

После слов профессора мы все без малейшей задержки поднялись с мест и, поочередно перескакивая через ограждение, вышли на площадку арены.

– Щит Давида, – коротко бросил сосредоточившийся фон Колер и жестом показал Эльвире, на каком удалении от него нужно встать. Царевна удивилась – как и все, но послушно отошла метров на десять по указке профессора.

Фон Колер на нас уже не смотрел. Впрочем, контролировать наши действия нужды не было – подобное построение под защитную гексаграмму мы отработывали не раз. Просто ни разу не участвовали в создании такой огромной, практически во всю дуэльную площадку.

Небольшая заминка произошла только с Валерой. Эльвира шикнула, привлекая его внимание, и принц по ее указанию отодвинулся дальше от Модеста, приближаясь к Надежде. После этого мы все расположились равноудаленно друг от друга и от профессора, обступив его по кругу. Ошибку Валеры Эльвира, судя по взгляду и короткому кивку, не осуждала – все же защитное построение впятером без оборотня, в пентаграмме, мы отработывали гораздо чаще, чем гексаграмму вместе с принцем.

Понизу между тем за клубилась созданная фон Колером серая мгла. Ноги при этом как будто погрузились в мягкий ковер лесного мха. Вскоре мгlistая завеса обволакивающими лоскутами поднялась, доставая всем уже почти до груди. Сгустившаяся пелена словно отделила ступни от пола, а чуть погода появилось чувство, похожее на нахождение в невесомости. И чтобы стоять прямо, нам сейчас всем приходилось едва балансировать, словно на плавно двигающейся платформе.

– Заходим в изнанку, господа и дамы, – негромко произнес фон Колер. Профессор уже побледнел, черты его лица заострились, а вокруг кистей поднятых рук клубился мрак.

Глубоко выдохнув, я вошел в состояние расслабленной сосредоточенности и ощутил, как дух выходит из тела, в то же время оставаясь в нем. Но вопреки привычной практике, краски мира не поблекли, только на периферии зрения появилась легкая размытая серость. Не скрывая удивления, я быстро стрельнул взглядом по сторонам. Эльвира, которая стояла от меня справа, также осматривалась с недоуменной настороженностью.

Царевна, как и я, почувствовала – из-за созданной фон Колером пелены мы оказались неразделимы со своими астральными проекциями. И сейчас в телесном виде, в привычном течении времени мы, получается, находились и в истинном мире, и в его изнанке одновременно.

Почти сразу после того, как вся команда вышла в изнанку, – я почувствовал присутствие остальных неожиданно активизировавшимся внутренним радаром, – серая пелена под ногами опала. Колющиеся лоскуты мглы поползли вниз, словно гибкие стебли лиан, отпуская нас. Пара секунд, и мы теперь стояли на плотном ковре правильного круга, сотканном из прессованной серой пелены.

Фон Колер между тем взмахнул рукой – как художник кистью, и положил на пол первую линию шестиконечной звезды. Она легла прямо передо мной, будто барьером отсекая ото всех остальных. Еще одно движение, еще одна упавшая на плотный серый ковер линия, и стоявшая лицом к лицу с профессором Эльвира оказалась внутри первого острого угла. Профессор в это время поворачивался против часовой стрелки, широкими взмахами бросая на пол очередные источавшие густую пелену мрака линии гексаграммы.

По правую руку от Эльвиры стоял Модест. И третья брошенная на пол черная линия, легшая на пол слева от него, одновременно отсекала от нас всех Эльвиру – царевна оказалась внутри небольшого треугольника, одной из вершин только создаваемой гексаграммы. Теперь

никто из внешнего мира не мог бы к ней попасть; но и сама она без создающего конструкт навигатора покинуть защитную капсулу не могла.

Очередная линия оказалась на клубящемся мглой полу, и следом еще одна – одновременно заключая в следующую крепость вершины гексаграммы Модеста. Эта линия легла прямо перед Валерой, который стоял напротив меня через профессора. У меня в этот момент многократно усилился холодок плохого предчувствия. Насторожившись, я оглянулся по сторонам – никто из моих спутников беспокойства не показывал, все выглядели абсолютно спокойно.

Рассказать о своем беспокойстве фон Колеру?

Теперь я так и собирался сделать, потому что всегда руководствовался принципом, что в непонятной ситуации лучше задать вопрос и выглядеть дураком, чем после выглядеть дураком из глубокой лужи. И корил себя за то, что промолчал еще до начала создания конструкта. Но сейчас сделать ничего уже точно не получится, необходимо дождаться окончания создания защитной конструкции. Попытка отвлечь профессора от процесса плетения может стоить слишком дорого. И вдруг, совершенно неожиданно, мое беспокойство прошло как не было, и даже, наоборот – появилось чувство полного и безмятежного спокойствия.

Одновременно с тем, как профессор взмахнул рукой, готовясь положить на пол последнюю, замыкающую гексаграмму линию, на плече я почувствовал легкое касание. И сразу ощутил всепоглощающую ауру тепла и любви. Любви особенной, не требующей ничего взамен. Профессор между тем бросил последнюю линию на пол, и в этот миг по его расширившимся глазам я успел заметить – что-то пошло не так.

Фон Колер должен был положить линию, завершающую начертание защитной гексаграммы. Она должна была окончательно заключить меня, Надежду и Илью в отдельные треугольники вершин шестиугольной звезды, а также завершить начертание гексагона – правильного шестиугольника, внутри которого оказывался сам профессор.

Рука профессора дрогнула на середине штриха – причем так, словно кто-то его перехватил за запястье, а он пробовал этому воспротивиться. Последняя линия уже ложилась на пол, огородив Наденьку, но, зайдя внутрь звезды, вдруг потеряла плавность. Клубящаяся Тьма словно вышла из-под контроля и расплавленным черным свинцом брызнула в стороны, попав тягучими кляксами на безукоризненный костюм профессора. Лицо фон Колера мгновенно перекосило, а рот открылся в беззвучном крике.

Профессор попал словно под струю сжигающей все на своем пути черной кислоты – и в последний момент рука его все же дрогнула, а завершающая линия легла криво. Щит Давида, шестиугольная гексаграмма, был завершен не полностью: тот треугольник, в котором находился я, остался открытым.

Время в этот момент для меня не просто замедлило свой бег, а совсем замерло, остановившись. Я видел застывшее лицо профессора, искаженное не болью от расплавленной обжигающей Тьмы, а страхом за нас, своих подопечных. Сомнений в этом у меня не было – слишком уж отчаянный ужас читался в глазах обычно невозмутимого фон Колера.

Несмотря на то, что время полностью остановилось, сам я не испытывал никаких неудобств. Ни следа привычной тяжести нахождения на глубине – как бывает, когда самостоятельно ускоряюсь в скольжении, замедляя время. Кто-то более сильный поставил жизнь на паузу, выдернув меня из бега времени, так что я оказался зрителем среди скульптурной композиции. И я – по знакомой ауре рядом, даже прекрасно знаю, кто остановил мгновенье.

Обернувшись, встретился глазами с удивительной красоты женщиной. Сейчас, когда она оказалась так близко, я впервые смог рассмотреть своего ангела-хранителя без спешки и предельного напряжения сил. Как это было в тот раз, когда увидел ее во время наложения на меня слепка души.

Передо мной стояла совсем молодая, ослепительно прекрасная девушка. Не старше двадцати лет – сама, по сути, еще ребенок. Шагнув вперед, этот юный ангел взяла меня за руку.

Она качнула головой и показала взглядом в сторону, словно предлагая покинуть пределы гексаграммы через проем, оставшийся после криво брошенной фон Колером линии, завершившей ставшую дефектной конструкцию.

Коротко глянув на профессора, я осмотрел лежащую на сером пологе незавершенную гексаграмму, оставшуюся открытой как раз на моей вершине. И, не стесняясь в выражениях, мысленно поблагодарил фон Колера за привычную показуху – сначала отправить нас куда-то, а только потом объяснить свои действия.

Профессор, судя по ранам, не жилец. Умрет он в ближайшие секунды, минуты, а гексаграмма со всей командой окажется неизвестно где – не думаю, что есть составленный профессором план занятия с указанием предполагаемого к посещению места.

Конечно, на фон Колере должен быть слепок души, но его тело уже изуродовано истинной Тьмой – и, даже воскреснув, не факт, что профессор сразу придет в себя. И вообще сможет вспомнить последние минуты, дни и даже годы жизни. А вся остальная команда, заключенная в защитной гексаграмме, отправится сейчас неизвестно куда с перспективой никогда не вернуться.

– Пойдем, – между тем раздался негромкий шепот оказавшейся столь неожиданно юной матери Олега.

– А как же они? – показал я глазами на своих напарников по команде.

Прекрасная девушка только пожалала плечами. Этим жестом ясно показывая, что судьба моих спутников ей не интересна. Потому что для нее была важна моя жизнь, а остальные ее не волновали ни капельки, проходя в графе «допустимые потери».

Но больше всего меня сейчас беспокоил другой вопрос: знает она, что я не Олег?

– Я не могу их бросить, – покачал я головой.

– И спасти их ты тоже не можешь, – медленно прикрыла глаза прекрасная девушка.

– Я реалист. И поэтому всегда требую невозможного, – после недолгой паузы ответил я под взглядом огромных васильковых глаз.

– Остановить тебя от безумного самопожертвования не получится? – в ответ едва наклонила голову моя ангел-хранительница.

– Но теоретически если, я смогу им помочь избежать смерти?

– Ну... – сморщила носик она, состроив гримасу, словно я спросил у нее, может ли выиграть футбольная сборная Южной Кореи у команды Германии. – Как сказать, – добавила девушка и вновь пожалала плечами.

Сейчас моя ангел-хранительница совсем не напоминала высшую сущность, за которую я ее раньше считал. У нее еще и смешные веснушки на носу – неожиданно увидел я.

– А ты можешь помочь мне их спасти?

– Отправиться с тобой я не могу, для меня это слишком опасно, – покачав головой, произнесла девушка. Сразу после этого понял – то, что я не Олег, она уже давно и прекрасно знает.

– Советы, знания?

– Ты окажешься в нижнем мире, в своей телесной оболочке. Если ты умрешь там, умрешь и здесь.

– На мне есть слепок души.

– Если Максимилиан Иванович, – показала глазами девушка на изуродованного Тьмой профессора, – создает Щит Давида, то он либо серьезный перестраховщик, либо есть немалая вероятность в конечной точке маршрута встретить того, кто обладает способностью организовать любому одержимому истинную смерть.

– Какие еще проблемы можно ждать?

– Ты не сможешь спасти своих спутников. Щит Давида тебе не преодолеть, а твой навигатор скоро умрет.

– Но есть же какие-то способы?

– Вообще... Да. Теоретически ты сможешь понять, где оказался, оставить там якорь или маяк, потом вернуться в наш мир и зеркально восстановить Щит Давида с этого же места, повторив работу твоего навигатора, – коротко стрельнула глазами девушка в сторону фон Колера. – И только после вновь отправиться за своими друзьями, отзеркалить защиту и уже безопасно вернуть всех сюда.

– Обязательно для этого сходить туда и вернуться? Можно ли...

– Сходить куда?

– А, черт...

Фон Колер создал Щит Давида, обеспечивая нашу безопасность. Вот только куда мы должны были отправиться, знает только он один. А судя по тому, что у профессора сейчас отсутствуют нижняя челюсть, часть руки и половина грудной клетки, сожженные вышедшей из-под контроля Тьмой, вряд ли он в ближайшее время сможет что-либо сказать.

– Имей в виду, если навигатор создает Щит Давида, вряд ли ты сможешь попасть домой именно с того места, где окажешься, – наверняка там небезопасно. Придется найти другую точку пересечения границы.

– Ну, если в общем, пока все звучит выполнимо.

– Если не вдаваться в детали. И забыла еще сказать, что одной из главных задач будет вопрос выживания, – невесело улыбнулась девушка.

Вздыхнув сквозь стиснутые зубы, я покачал головой. Раньше, в прошлой жизни, в крупных военных конфликтах я не участвовал. И, глядя на политрука Еременко – знаменитую фотографию, где он поднимает пехоту в атаку, всегда думал, как это – просто встать и побежать по чистому полю на чужие пулеметы. Теперь я примерно знаю, как это, но не могу сказать, что удовлетворен получением ответа.

– Это не твоя вина и не твоя война, – показала ангел-хранительница на остальных моих товарищей, замерших в защитных коконах вершин гексаграммы. – Данная атака к тебе никакого отношения не имеет.

– Да какая разница? – с усталой обреченностью ответил я.

Несмотря на внешне безразличный вид, после слов своей неожиданной покровительницы испытал облегчение. Все же проскакивали мысли, что являюсь первопричиной происходящего, и ошибка фон Колера – часть действий, направленных именно против меня, которыми невольно стали задеты остальные.

– Знаешь... Бывают моменты, когда осознаешь, что необходимо сделать шаг вперед, а не назад. Даже если тебе этого не хочется. И даже если он будет стоить тебе жизни, – посмотрел я в глаза опекающей меня матери Олега. Она, пожертвовавшая своей жизнью ради ребенка много лет назад, сама при этом толком не начав жить, в ответ на мой взгляд только грустно улыбнулась.

– Я знала, ради кого и ради чего это делаю, – негромко произнесла девушка. И тут же потупила глаза под моим внимательным взглядом – а я по ее реакции понял, что она принесла себя в добровольную жертву, благодаря которой на Олеге появился первый слепок души, находясь в здравом уме и при полной памяти. Самостоятельно, а не погибая, не в силах противиться безвозвратной одержимости, как мне говорили раньше.

После того как моя личность соединилась, полностью поглотив память предшественника-подростка, я сам частично стал им. Начал испытывать ранее несвойственные эмоции, пару раз даже попробовал застесняться в общении с противоположным полом. И сейчас вот тоже, совершенно неожиданно для себя, ощутил эхо направленной на эту незнакому мне девушку сыновьей любви.

– У меня нет выбора. И даже не ради них, ради себя, – произнес я после долгой паузы.

– Я в тебе не сомневалась, – после короткой паузы произнесла девушка и вдруг бросила мне статуэтку, примерно тридцати сантиметров в высоту. Фигурка с поразительной точностью изображала крайне испуганного Василия, замершего в позе готового сорваться в бег человека.

– Не знаю, где и в каких условиях ты окажешься. Но тебе надо будет продержаться хотя бы несколько секунд, пока он не придет в себя и не сможет тебе помочь, – пояснила девушка, показав на фигурку Васи.

– Спасибо, – отводя взгляд от статуэтки, произнес я. – Ты даже примерно не предполагаешь, где я окажусь?

– Даже примерно не знаю. А у него уже не спросишь, – покачала головой и развела руками девушка, коротким движением подбородка указав на изуродованного Тьмой фон Колера.

– Отлично, – чувствуя нервную дрожь мандража, покачал я головой. – Еще есть что-то важное, что ты можешь мне сказать?

– Береги себя, – кивнула мне мой ангел. И очень внимательно посмотрела в глаза. Вслух не спрашивала, но явно ожидала, что я могу все же принять взвешенное решение, покинув дефектную конструкцию плетения.

– Поехали, – произнес я. И, глядя в огромные васильковые глаза, только головой отрицательно покачал.

Девушка кивнула и, закусив губу, отступила на шаг. И сразу время скачком вернулось к прежней скорости, вместе с ворвавшимися в сознание противным звуком рвущейся плоти, шелестом Тьмы и утробным криком боли фон Колера.

Гексаграмма оказалась завершена не полностью, но плетение было активировано. Из мглистого ковра под ногами рванулись серые лоскуты пелены, поднимаясь выше и окрашивая весь мир в плотный белесый туман. Пространство вокруг закрутилось, и на несколько секунд я ощутил себя словно в центрифуге. В животе ухнул комок, и вместе с вращающейся шестиугольной звездой я полетел вниз, как будто находился в сорвавшемся с тросов лифте. Неподалеку кто-то кричал: туман серой пелены прикрывал нас друг от друга, но звуки через него проходили, пусть и приглушенные, как сквозь вату.

Падение вдруг закончилось. Причем скорость была погашена плавно, и ожидаемого мной зубодробительного удара не последовало. Клубящаяся вокруг пелена рассеялась, словно сбитая порывом сильного ветра, и я осмотрелся, сразу же закрутив головой по сторонам. Несомненно, вокруг лежал чужой мир – и здесь есть только камень и знойный ветер. Не освежающий, а колко бросающий в лицо горячие песчинки.

Не знаю, похоже ли это место на ад, но вот американский Великий каньон на закате напоминает точно. По сторонам, разрывая линию горизонта, зубцами вздымались ввысь красно-коричневые скалы, а по низкому небу, без следа синевы, разлилось багряное свечение, заливая и плотные облака. Никаких других цветов, кроме красного и коричневого – от темного оттенка скал до более светлого в кладке булыжников стен вокруг.

Мы оказались... на вершине крепостной башни, служащей площадкой арены. И появились здесь в расстановке, как в защитной гексаграмме, довольно далеко друг от друга. Башня с площадкой арены была одной из многих в замке, словно выточенном из тела высокой скалы. Масштаб сооружения поражал – размерами крепость не меньше, чем Крак-де-Шевалье в Сирии. Только эта без округлых плавных линий, везде сплошь рубленые углы, под стать окружающим крепость скалам.

Арена, куда привело нас плетение фон Колера, по размеру была меньше той, с которой мы только что сюда переместились. Вместимость здесь на несколько сотен мест, не больше. Причем конструкция непривычна: овальная площадка, расположенная в глубокой яме, огорожена трехметровыми стенами, поверху вплотную располагаются отдельные зрительские ложи, и только за ними скамьи трибун. Причем для удобства высоких гостей над ложами, расположенными ниже общих скамей, когда-то была натянута плотная ткань тентов. Сейчас они

истрепались в лохмотья, болтающиеся на оставшемся частоколе шестов, выглядящих словно оголенные ребра скелета.

На одной из высоких лож появился я – а остальные мои спутники оказались на соседних. Мы, как и совсем недавно, находились на равном удалении друг от друга; и каждого от меня закрывала полупрозрачная темная пелена защитного кокона – выглядела она словно купол легкой москитной сетки. Но при этом чувствовалось, что пелена эта напитана силой.

Ни на кого из спутников я посмотреть не успел, а весь осмотр занял всего несколько мгновений. Внимание мое обратилось к центру ямы поединочной площадки, где в этот момент на красноватый песок рухнул фон Колер. Профессор закричал от боли, разбрызгивая вокруг себя кровь, закипавшую при соприкосновении с черной жижой вырвавшейся из-под контроля Тьмы.

Упал он у ног существа, отдаленно напоминающего человека. Это был высокий, выше двух метров, широкоплечий демон с горящими оранжевым огнем глазами и красноватой кожей, покрытой коричневыми пигментными пятнами.

– ... – вырвалось у меня. И тут же добавил еще кое-что, потому что неподалеку раздался животный рев, клацанье зубов и скрежет когтей.

Обернувшись, я увидел, что сотканный защитной гексаграммой черный полог позади меня трепыхается, словно полупрозрачная ткань, – ведь защитный треугольник, в котором находился я, не был закрыт. И на меня сейчас сверху, со скамей трибун, смотрел весьма озадаченный комитет по встрече. Озадаченный от того, что я прибыл в это место без защиты.

Скамьи сверху правее от меня заполняла группа монстров, напоминавших адских гончих – только без Тьмы. И живых, а не поднятых после смерти. И вся стая, заметив меня, завизжала и заверещала, словно стая гиен. Причем с места никто из них не сдвинулся – как будто ожидали команды.

Но еще ближе, практически вплотную к порванной защитной пелене, я увидел гуманоидное существо. Знакомое – безволосое и чешуйчатое, как у рептилии, тело, безносое лицо и костяные гребни на руках. Грудь мутанта перетягивали ремни, на бедрах присутствовала набедренная повязка, а вместо оружия были костяные гребни, остриями торчащие из предплечий. Безносый мутант недоуменно смотрел на порванную защитную пелену, словно не веря, что такое возможно.

Секундная заминка миновала как не было, и гиены заголосили громче. Одновременно, словно таки получив команду, они со скрежетом когтей попрыгали через каменные скамьи, направляясь в мою сторону. Обернулся и мутант, который вдруг заскочил на одну из скамеек, низко присел и прыгнул на меня, словно лягушка. Неожиданно – во время нападения на усадьбу Юсуповых-Штейнберг его сородичи так не делали.

Но в прошлый раз и глаза у обитателей нижнего мира были черные, заполненные Тьмой. Сейчас же тварь, прыгнувшая на меня, смотрела красным взглядом с вертикальным зрачком. Уклоняться от его неожиданного прыжка не успевал, в скольжение войти тоже. И упал на спину, выставив руки, словно собираясь встать на мостик, и выстреливая вверх согнутыми ногами. Ударив прыгнувшего на меня мутанта, я еще и по инерции встал обратно на ноги. Неожиданно – вообще-то так не планировал, но удачно получилось.

Безносый красноглазый мутант взлетел довольно далеко, пущенный словно снаряд катапульты. Он оставлял за собой пунктир кровавых капель – грудь у него в кашу точно. Сам я уже бросился вперед, стремясь покинуть лишь частично скрытую защитной пеленой ложу – которая совсем скоро могла стать ловушкой.

Выскочив наверх, на общий зрительский сектор, я даже не обратил внимания на звучный шлепок упавшего тела за спиной. И побежал еще выше, перескакивая через покрытые пылью и каменной крошкой, потрескавшиеся от времени скамьи. Справа на меня бежала стая воющих, как гиены, гончих, а слева уже приближалось несколько безносых стражников. Такие же, как

отправленный только что в небо чешуйчатый мутант, отличающиеся от него только конфигурацией костяных гребней-клинков. В этот момент в моей руке вдруг, отвлекая, забило что-то гибкое – словно жгут пойманной и трепыхающейся в ярости змеи.

– Вася, чтобы тебя! – невольно вскрикнул я, только сейчас вспомнив про все еще сжимаемую статуэтку. Которая, выходя из артефактной компрессии, превращалась в чернокожего гангстера, постепенно увеличиваясь в размерах.

А счет уже шел даже не на секунды, на краткие мгновения. Недолго думая, я размахнулся – словно бейсбольный питчер, и выкинул еще маленького Васю, бросая его в стаю приближающихся гончих. Верещащие гиены сбились с бега, провожая пролетевшего над ними человека, который уже в полете стремительно приобретал полный размер.

Досматривать мне было некогда – обернувшись, я ушел от удара меча подскочившего первым мутанта. Перехватил костяной клинок и танцевальным пируэтом развернулся, втыкая чужой меч в горло второму подбежавшему стражнику. И тут же, сделав сальто назад, ушел от выпада третьего. Едва приземлился, подсек его ноги ударом под шиколотку. Когда голова упавшего стражника с глухим стуком ударилась в оплывшие от времени и ветров камни скамьи, резким ударом ноги сверху сломал ему шею. Первый мутант в этот момент наконец выдернул воткнутый мною меч из горла товарища и обернулся. Я вбил ему два пальца в глаза – зачем-то добавив немного силы. И вовремя отскочил, уходя от брызг лопнувшей головы. Сразу забыв об этом, обернулся, ища взглядом воющих гиен.

Как раз в этот миг за спиной раздался истошный визг – перелетев через гончих, вернувшийся в нормальный размер, но не полностью вернувший координацию Василий рухнул на камни. Чернокожий гангстер прокатился по скамьям и вскочил, пытаясь убежать и перебирая ногами так, словно они одеревенели.

Визжал при этом Василий так, словно силы в его крики вложила вся ангельская рать и адская бездна, давая возможность посоревноваться громкостью с трубами апокалипсиса. Вообще, его испуг неудивителен – даже для гангстера из трущоб Высокого Града встреча с адскими тварями в чужом мире – явный перебор, тут и гораздо более твердый духом спасует. Вот только почему демон еще не перехватил управление телом? И зачем так уж орать?

Демон управление телом уже, кстати, перехватил. То ли он просто раньше не мог этого сделать, то ли решил немного поиздеваться над испуганным Ндабанингой, то ли отвлекал воплем адских псов, не знаю. Но эффект получился что надо – стая тварей забыла обо мне напрочь и устремилась следом за панически бегущим и верещащим гангстером.

А Вася вдруг упал на четыре кости, пробежался немного словно стремительная борзая и взвился в высоком прыжке. В полете он извернулся, трансформируясь. Лицо его вытянулось, превращаясь в морду, пиджак на спине порвали черные перепончатые крылья, увенчанные когтями, а тело неузнаваемо видоизменилось. На когтистые лапы приземлился уже поджарый демон с мордой, напоминающей волчью, и немалыми демоническими крыльями за спиной. Издав звучный рык, он сразу заставил всех тянущихся к нему адских гончих рухнуть и покачаться по пыльной каменной поверхности, поскуливая от страха.

– Артур, сзади! – только в этот момент понял я, что слышу многоголосый крик, приглушенный ватной пеленой. Еще мне кричали много всего, но «беги» и «сзади» преобладало.

Обернулся вовремя – и успел отпрыгнуть, уклоняясь от пущенного копья, сотканного из демонического пламени. Виденный рядом с фон Колером демон, о котором я совсем забыл, одним прыжком покинул поединочную яму и сейчас стоял на высоком каменном бортике арены.

Я успел бросить на него лишь краткий взгляд, потому что уже летел в прыжке, уходя от взрыва демонического пламени – чем заканчивается попадание подобного заклинания, я знал. Но взрыва не последовало – брошенное краснокожим демоном копьё вернулось к нему назад,

изогнувшись словно плетка во время обратного удара кнута. Спасло меня чудо реакции – я упал навзничь, пропуская огненный хлыст над собой.

Меня опалило жаром, нагретым воздухом до звенящего треска. Перекатившись, я было обернулся на демона, лихорадочно раздумывая над тактикой сражения с ним. И только попавший под каблук камешек спас меня от смерти в адском пламени: оказывается, сотканное из демонического пламени копьё демон умел кидать с двух рук – на уроках Разрушения фон Колер нас к такому не готовил.

Упал я ничком в проход между скамьями, а копьё демонического пламени прошло в месте, где только что стоял, и взорвалось на несколько рядов выше. По ушам мне, оглушая, словно с силой вдарили ладонями. Прямо в черепе раздался звонкий хлопок, и сразу следом по ощущениям на меня словно кипятка плеснули. Обожгло даже горло – я опрометчиво вдохнул в момент взрыва.

Из положения лежа прыгнул вперед, стараясь убежать от обжигающей боли. Тут же в спину догнало взрывной волной – меня подхватило и бросило вперед на несколько метров, как рукой. Пока летел, возникло ощущение, что со спины сдирают кожу многочисленными рыболовными крючками. Приземлившись в проход между секторами арены, покатился по широким ступеням. При этом даже сквозь дикую боль чувствуя, как к ранам на спине прилипает пыль и каменная крошка.

Звуки окружающего мира исчезли – остался лишь громкий звенящий гул. Сквозь который тем не менее пробивались, словно через толщу воды, ментальные крики моих спутников. Кричали они самое разное, вплоть до самых емких выражений, – причем громче всех был Валера и – что удивительно, Наденька. Ясноглазая и обычно такая спокойная милая девушка стояла сейчас совсем рядом со мной. Прислонившись руками к непроницаемой для всех – и для нее тоже – защитной пелене, она призывала меня как можно быстрее сваливать прочь.

В этот момент я увидел Василия. Напугав одним рыком до безумия гончих, он оказался совсем рядом со мной – устрашающий крылатый монстр, который сейчас может стать моим спасением. Мог бы стать – потому что Василий махнул хвостом, прыжками преодолел ступени скамеек и, расправив крылья, спрыгнул с башни и исчез из вида. Он даже не подумал мне помочь, чем привел в смешанные чувства – предательство обещавшего службу демона оказалось для меня полнейшей неожиданностью, на мгновение вогнав в ступор.

Взгляд вслед обратившемуся в волкоголового дракона Васе едва не стоил мне жизни – потому что, опалив волосы, рядом прошло еще одно горящее адским пламенем копьё. Спасло меня то, что Наденька закричала мне, используя лексикон портовых грузчиков. Среди ее восклицаний ни одно слово приличным не было, поэтому за миг до попадания я успел понять, что дело дрянь, и поменять позицию.

Приговаривая в мыслях сплошь помогающие быстрее бежать заклинания, я промчался по одной из скамеек и залетел в коридор выхода с трибун. А здесь уже гремело железо, шлепали по камням ноги – навстречу бежала тройка стражников. Они были совсем рядом, а позади я интуитивно чувствовал жар приближающегося очередного огненного копьё. Откуда у этого демона вообще их столько? Фон Колер говорил о возможности сформировать не более двух за день, и то у самых способных одержимых!

Оказаться в эпицентре вспышки демонического пламени мне не хотелось, поэтому оставившись я не стал. Даже еще более ускорился, побежав прямо на стражников. И когда мы оказались совсем рядом друг с другом, я упал на пол. Проскользив по камням, срубил в подкате сразу двух мутантов, затормозив и почти остановившись на втором. Третий безносый воин попытался пригвоздить меня копьём и даже попал – вскользь задев плечо широким лезвием. Я перехватил костяной штырь – чувствуя, как режется кожа на фалангах пальцев, и, используя чужое копьё как упор, поднялся.

Безносое лицо с красными, пересеченными черными вертикальными зрачками глазами оказалось совсем рядом, а я схватил мутанта за ремни доспеха и притянул к себе. Для верности, чтобы он не противился, ударил его головой в то место, где должен быть нос. И тут же мы полетели прочь – в проход залетело напитанное разрушительным пламенем заклинание краснокожего могущественного демона.

Спасаясь от жара, я прижался к мутанту, который был выше и шире меня. Безносый воин раскрыл рот и, судя по всему, громко заверещал – звуков я так и не слышал после контузии первого взрыва.

Нас проволокло по коридору, по неровной кладке булыжников пола. Увидев проем в коридоре, я оттолкнулся от пахнувшего горелой плотью мутанта и заскочил в ответвление. Гася инерцию, ударился плечом в каменную стену и, не удержавшись, вскрикнул от боли. Но вскрикнул уже в тот момент, когда бежал прочь, петляя по темным коридорам.

При этом я кожей чувствовал, как приближаются ко мне преследователи – только рядом их было не меньше пары десятков. До предела обострившимися чувствами на внутреннем радаре я ощущал, видел, как собираются в группы разрозненные местные стражники, чтобы не дать мне покинуть коридоры замка.

Как с горки спустившись по винтовой лестнице на пару этажей ниже, я заметил свет в проеме неподалеку и выскочил из башни. Промчался по крытой галерее широкой крепостной стены и ударом выбил дверь в следующую башню. Вместе с дверью отлетело в сторону два стражника, а тяжелую дверь я успел закрыть и укрепить засовом до того, как в нее ударился комок фэйрбола. Кончились у него копыя, кончились! – мелькнуло радостно. Потому что, пока убегал, мысль сразу о четырех брошенных столь серьезных заклинаниях не давала покоя.

Заскочив в замковый зал с высокими потолками, я выругался – потому что навстречу мне вывалилась толпа из не менее десятка безносых мутантов-стражников. Еще несколько появилось из боковых дверей – оказавшись у меня за спиной и преграждая путь к отступлению.

Я выставил вперед руку, ощущая, как быстро материализуется в сжатом кулаке клинок кукри. При виде изогнутого ножа по толпе стражников прошла легкая рябь волнения, но я это заметил краем – потому что физически чувствовал, что сейчас уже сзади появится сильный демон, добивший фон Колера.

Размахнувшись, я бросил клинок – разбивая высокое витражное окно. Закрыв глаза, я остался беззащитным перед столпившимися монстрами. И импульсом желания, словно отрывая от себя часть души, потянулся к улетевшему прочь кукри – одновременно со страхом ожидая удара в грудь или спину. Все получилось – на миг я оказался в невесомости, мир вокруг завертелся, а чуть погодя тело снова налилось тяжестью, когда за мгновение я телепортировался к брошенному ножу.

Трюк, который придумал я сам (по памяти старого мира) и который смог освоить с помощью фон Колера за последний месяц. Вот только получалось у меня через два раза на третий. Но, что радует, – в этот раз случилась именно третья попытка.

О минувшей только что опасности уже забыл – потому что подо мной оказалось глубокое ущелье, ко дну которого я сейчас летел. Полет продолжался довольно долго – не меньше десяти секунд, показавшихся мне вечностью. Перед самой землей, когда скальная поверхность уже стремительно приближалась, я извернулся спиной вниз и снова бросил кукри вверх что было силы. Закрыв глаза, снова потянулся к клинку, спиной ощущая страх приближающихся камней.

Не успел – мелькнула мысль перед самым ударом. Но вместе с захлестывающей паникой вновь пришла легкость невесомости, и я материализовался на месте брошенного ножа, как раз в тот самый момент, когда он завис в высшей точке броска. В этот раз разогнаться в полете до земли осталось метров семь. По сравнению с преодоленной бездной немного, но и не сказать, что низко – как из окна третьего этажа выпрыгнуть.

Приземлился я не очень удачно. Взрыв от боли в подвернутой ноге и от удара коленом в камень, я поднялся на ноги и, хромя, побежал прочь. Болело все жутко, но оставаться на месте просто нельзя. Ситуация – или беги, или умри. Обернулся только один раз – глянуть, что сверху ни камней, ни файерболов не летит.

Ни камней, ни файерболов вслед не летело. Зато, ясно видная на фоне красного неба, падала темная туша с волчьим телом и черными перепончатыми крыльями. И в когтистых лапах рухнувший демон держал изуродованное, разъеденное кислотой тело фон Колера.

– Вася, ты... молодец, – только и буркнул я, наступая на широкую кость опущенного крыла – словно на подножку, чтобы забраться демону на спину.

Взмахнули широкие перепончатые крылья, и рывком демон оторвался от земли. Я только перехватился за короткую жесткую волчью шерсть, стараясь сохранять равновесие.

Ощущение неожиданности его «предательства» хорошо запомнил. Но сейчас понял абсолютную правильность принятого демоном решения: пользуясь тем, что краснокожий убийца погнался за мной, Вася забрал тело фон Колера. Сделать это было необходимо, ведь с захваченным трупом создавшего гексаграмму профессора ее можно было вскрыть. Непросто, долго, но можно. Особенно для того, кто может меньше чем за пару минут сформировать из демонического пламени целых четыре полноценных копья.

Без тела же фон Колера для краснокожего демона – каким бы он ни был могучим, вскрыть защиту будет нереально, по крайней мере в ближайшее время. А если не в ближайшее, то оставшиеся на арене мои спутники и так умрут от жары и жажды. Так что Василий молодец, меня вроде как бросил, а остальных спас ненадолго, умыкнув труп фон Колера.

Превратившийся в устрашающего волкоголового монстра Василий между тем поднимался ввысь, к багряным облакам, – с каждым ударом крыльев унося нас все дальше и дальше от возвышающегося на скале замка.

– Мы сейчас куда? – чтобы хоть как-то отвлечься от боли во всем теле, мысленно спросил я, произвольно наклоняясь к волчьей голове демона.

– Не знаю, господин. Я сам здесь впервые.

Глава 5

Я стоял на небольшой площадке на самой вершине горы. Куда ни кинь взор, по сторонам расстилалась красная пустыня, изрезанная шрамами глубоких каньонов. Единственное заметное движение вокруг – демон, парящий над пропастью в нескольких сотнях метров ниже. Изредка он взмахивал широкими перепончатыми крыльями, набирая потерянную высоту. Но и парящего демона, если смотреть вскользь, можно было принять за темную мушку в глазу или колебания плавящегося от жара воздуха.

Да, за моей спиной еще лежал труп профессора темных искусств. Но его за компанию считать никак не получалось – оживать фон Колер определенно не собирался. Как и (почему-то) не собиралось развеиваться в прах его тело.

Профессор был мертв гарантированно: как только здесь приземлились, я снял с его руки массивный перстень с черным пауком на печатке. У одаренных (одержимых) его уровня ранговый перстень настолько един с телом и Источником, что снять его можно лишь по желанию владельца. Или с мертвого, бездушного тела. Это Аверьянову хватило пары ударов для разбитой концентрации, после чего я смог сдернуть у него с пальца его ранговую печатку.

Происходящее, вернее ничего не происходящее, с профессором навевало самые плохие мысли: ведь если фон Колер обладает слепком души, он должен был или уже воскреснуть, или отправиться на перерождение к прикрепленному алтарю. Не думаю, что настолько сильный одержимый, как он, нуждается в помощи для самостоятельного воскрешения – как было со мной после того, как умер от рук Степана.

Если фон Колер не может воскреснуть или отправиться на перерождение, то смогу ли это сделать я, если погибну? Не могу сказать, что я вот прямо сейчас собирался умирать, но времени оставалось мне не так много. Адреналиновый шок схватки давным-давно прошел, и я чувствовал себя как предварительно обжаренный кусок мяса в процессе тушения на медленном огне. Жарко здесь было, как в сухой финской сауне. А горячий ветер, изредка задувающий сюда, на вершину горы, вовсе создавал эффект открытой дверцы в раскаленной духовке. И ни воды, ни еды поблизости не наблюдалось.

Демон насчет последствий физической смерти именно здесь ничего дельного подсказать мне не смог. В этом мире он раньше не появлялся и, в каком из нижних планов мы находимся, даже не предполагал – с определенностью заявив только, что мир мертвый. Но у меня было подозрение, что Василий что-то явно недоговаривает. Возможно, для того, чтобы поберечь мои нервы и сохранить душевное спокойствие.

Мир – мертвый. Есть у мертвого мира изнанка? Вот и я не знаю. А если я сейчас нахожусь здесь и физически, и в виде астральной проекции, не окажется ли моя физическая смерть здесь истинной, окончательной?

Пришедшая на ум догадка оказалась проста как три копейки. Настроение подобные мысли совсем не поднимали – и думать об этом мне совершенно не хотелось. Не хотелось думать и о том, как приходится остальным, оставшимся на арене в защитных коконах. Но я держал в уме, что им гораздо хуже, чем мне. Сам я хотя бы обладаю иллюзией свободы, они же там как в клетках и в полной неопределенности. Хорошо еще местного солнца не видно: ведь если разлитый по небу багрянец – это признак вечера или ночи, то даже не знаю, что за ад будет здесь тогда, когда наступит день.

В очередной раз я попытался сглотнуть. И в очередной раз не получилось, настолько пересохло горло. В этот момент треснула верхняя губа, и я почувствовал на языке солоноватый вкус крови. Вариант со смертью казался все реальнее – воды вокруг нет, жар такой, что все плывет перед глазами, а от кровопотери накатывает болезненная слабость. С которой помогает справиться только адски саднящая боль от ран и ожогов.

Силы у меня, если честно, были уже на исходе. Но страх варианта возврата в родной мир через смерть подстегивал, пугая. Не до отчаяния – моя душа все же связана с родовым алтарем, и есть обоснованная надежда, что именно на алтаре я смогу возродиться. Но в этом случае я не смогу забрать перстень фон Колера – который останется здесь вместе с моей одеждой и телом. А именно по перстню любой опытный навигатор может навестись на труп фон Колера здесь.

О том, где и как буду искать навигатора, причем в сжатые сроки, я пока не думал. Надо сначала этот мир покинуть, а потом уже решать остальные вопросы.

Закрыв глаза, я облизал губы и глубоко вздохнул. Широко размахнулся, собираясь в очередной раз зашвырнуть кукри в пропасть. Мог бы сказать – из последних сил, но из последних сил уже было попыток десять назад. В этот момент на лицо дохнуло горячим воздухом, и я открыл глаза.

«Господин», – чуть склонил волчью голову подлетевший ближе Василий. Говорил он, используя мыслеречь, так что клыкастая пасть оставалась неподвижна.

Сам демон помочь мне с перемещением через границу ничем не мог. С обычным, в пределах этого мира, – без проблем. Мы с ним и так достаточно пролетели под багряными облаками, удаляясь от замка с ареной, где погиб фон Колер. Но лететь куда-то в неизвестность, чтобы найти здесь работающие ворота или навигатора... это, учитывая мертвую скалистую пустыню вокруг, за хороший план спасения и поиска выхода точно не считалось. А за все преодоленные по воздуху километры пейзаж снизу не менялся – мертвая скалистая пустыня. И пытаться отыскать здесь оазис с едой и водой тоже казалось глупой идеей.

Демон был существом более низкого порядка, чем одаренные или одержимые люди, и открытие границ ему было неподвластно. Тем более что Василий был подчиненным демоном, а клятва привязывала демона ко мне. Он даже самостоятельно пересечь границу без меня не мог, найдя открытые ворота – разрывая нашу связь в пределах одного мира.

Вот у меня ситуация другая – для меня собственная реальность открыта, тем более что частичка моей души привязана к алтарю рода Юсуповых-Штейнберг и работает как яркий маяк. И кроме того, возвращаться в родной мир гораздо легче, чем открывать ворота в чужой, – именно поэтому я раз за разом пытался сделать это, не теряя надежды на успех.

– А? – выдохнул я почти беззвучно, с вопросом глянув на Василия.

В этот раз ответил мне демон уже не мыслеречью, а мыслеобразом. В замедленной раскадровке картинок я увидел, как демон показывает мне то, что я пытаюсь сейчас сделать. А пытался я пробить ткань изнанки. Сделать это, при умении, было возможно – вспомнить хоть, как фон Колер выкинул змееглавую плетку во время первой демонстрации этого плетения седьмого ранга, просто разорвав ткань реальности.

Василий (язык не поворачивался назвать дракона с волчьей головой Васей) показал мне сейчас образами то, как я пытаюсь покинуть этот мир. Как в процессе воплощения в новом месте, когда происходит телепортация, я, одновременно войдя в скольжение, пытаюсь в этот же момент разорвать ткань реальности, чтобы окончательно воплотиться уже в другом мире.

– И? – едва слышно прошептал я, чтобы не тратить лишние силы.

Желтые волчьи глаза демона пристально на меня посмотрели. Вновь он использовал передачу мыслеобразов, и еще раз в замедленном отображении я увидел картину, как перемещаюсь в пространстве с кукри в руке и стараюсь поймать тот краткий миг, когда еще не полностью воплотился, перекинув себя в этот момент за границу мира. И еще, уже в третий раз, я снова увидел передаваемые демоном мыслеобразы. В которых происходящее сейчас концентрировалось на том, как именно я телепортируюсь – а делал я это, представляя себя с кукри в руке. По аналогии создания простейшего плетения из элементарной школы темных искусств.

«Ты это к чему?» – мысленно спросил я.

В ответ на это демон показал мне новую череду образов. Прикрыв глаза, теперь я наблюдал воображаемую картину, как одинокий клинок, медленно вращаясь, в полете прорезает

ткань реальности. Кукри в демонстрируемых Василиеммыслеобразах прошел через границу миров к алтарю рода Юсуповых-Штейнберг, и только после пересечения границы ножом я должен был воплотиться в другом мире следом за ним.

Сразу я даже не понял, что мне хочет сказать и показать демон. Как связать себя с клинком и тем более как отправить кукри в другой мир и потом перенестись к нему, я не соображал. Только после еще нескольких замедленных показов уяснил для себя – необходимо перемещаться не с представлением о клинке в руке – как делал я до этого, а банально самому стать клинком.

– Давай попробую, – негромко произнес я, пытаюсь собраться и сконцентрироваться.

Замерев, решил предварительно прокрутить порядок действий. Оказалось непросто – мысли путались, продираясь через вязкую паутину накатывающей слабости; в голове шумело, и сосредоточиться оказалось очень и очень непросто.

До этого момента я раз за разом кидал кукри в пропасть и пробовал телепортироваться в наш мир. И раз за разом у меня не получалось. Но, как спортсмен, упорно пробующий взять высоту, я повторял и повторял, впав в своеобразный транс и не прекращая попыток. Круживший ниже демон каждый раз меня подхватывал и возвращал обратно на скалу, после чего я с обреченным упорством начинал снова. Без этого – без полетов, было никак не обойтись. Потому что телепортация к клинку, уж не знаю почему, у меня получалась только в тот момент, когда нож находился в движении.

Широко размахнувшись, я крепко зажмурился и бросил кукри вниз. Рукоятка ножа соскользнула с ладони, словно прощаясь, а я – выждав секунду, потянулся к клинку. Не представляя его в кулаке, как до этого момента, а стараясь самому стать ножом. Получилось неожиданно легко – я перестал чувствовать тело, появилось... странное чувство тяжелой легкости; я ощущал себя стиснутым внутри клинка, который летел, стремительно вращаясь.

Осознав, что у меня получилось воплотиться в клинке, я отогнал испуг – а вдруг останусь в таком виде? Страх иррациональный – разумом я понимал, что управляю телом и клинком настолько хорошо, что стоит представить нож в руке, как вернусь к своей естественной форме.

Испуг мелькнул и исчез, а я потянулся в мыслях к алтарю рода Юсуповых-Штейнберг. И вдруг, словно по наитию, подумал о юной прекрасной девушке с веснушчатым носом – матери Олега. Сразу меня потянуло прочь от себя, появилось чувство невесомости, будто оказался в скоростном лифте; нет, не так деликатно – скорее, как в чаше распрямившегося рычага катапульты. Меня перевернуло словно в бурлящей воронке водопада, и я на краткий миг отчетливо осознал момент пересечения границы миров.

Едва чувство пересечения границы ушло, как инстинктивно потянулся прочь из плена в клинке, воплощаясь в собственном теле. Зря – здесь я все еще летел, кувыркаясь как брошенный нож.

Пролетел, правда, совсем недолго: почти сразу врезался в камень спиной, причем в положении вниз головой. Из груди вышел весь воздух, и я даже не успел сгруппироваться, когда съехал вниз по камню дольмена алтаря. Так, как и влетел в него, – ногами кверху. Но падал вниз недолго, потому что приземлился вниз головой в бассейн алтаря, сложившись как гуттаперчевый мальчик.

Я как раз в этот момент настроился что-то сказать – в подобной ситуации промолчать сложно. Погруженный в бассейн алтаря, я попытался выбраться – но сделать это вверх ногами оказалось невероятно сложно. Я извернулся, пытаюсь встать, и непроизвольно хлебнул воды... нет, не воды. Даже застыл, ошеломленный, – потому что никаких неудобств не испытал и у меня без проблем получилось дышать здесь. Жидкостное дыхание – даже в нашем немагическом мире такое возможно, слышал об этом.

Более того, попадание в бассейн сработало как обезболивающее – приятная прохлада обволокла все тело, пропало саднящее жжение на спине, где кожа была подпалена демониче-

ским пламенем и перестала зверски болеть нога, поврежденная при приземлении на дне пропасти.

Продолжая дышать под водой, я наслаждался ни с чем не сравнимым блаженством ушедшей боли, прекратившейся жары, забытой тяжести обреченного отчаяния. Позволил себе даже расслабиться. Правда, совсем ненадолго – о том, что пять человек сейчас находятся на сковородке трибун арены в чужом мире, я не забывал.

Когда выбрался из алтаря, заполняющая бассейн жидкость сошла с меня словно пленка – ни капли не осталось на одежде. Спрыгнув на ведущую к дольмену алтаря каменную дорожку, я расправил плечи и глубоко вздохнул. Покинув пекло чужого мира, вновь обретая свободу здорового тела, чувствовал упоение и наслаждался каждым своим движением – точь-в-точь как знаменитый в моем мире шерстяной волчара, пробивающий через сугробы дорогу остальной стае.

Неуклюжесть болезненной слабости, которая сопровождала меня в падении, ушла как не было – я был свеж, здоров и полон сил. Алтарь рода, в который я уже два раза полностью сливал свою силу, вернул мне вложения сторицей. Не знаю и даже не представляю, каким образом это произошло, но все мои раны исчезли как не было, а тело оказалось полностью восстановленным.

Подняв руки, я сейчас рассматривал ладони. Обе целые; ни следа глубоких порезов на фалангах от копыта мутанта, ни красноты ожогов. Одежда только кое-где порванная, но ткань алтарь восстановить точно не мог.

Вспомнив вдруг о перстне, я засунул руку в карман – с содроганием волнения, и облегченно вздохнул. Печатка фон Колера оказалась на месте. Я достал массивное кольцо с раскинувшим лапы пауком и, бросив на него короткий взгляд, положил обратно. Перстень источал тяжесть могильного холода, даже держать в руках неприятно.

Убрав обратно в карман кольцо фон Колера, оглянулся по сторонам. Алтарный зал с момента моего последнего визита ничуть не изменился. Просторное помещение в красно-черной гамме освещено красноватым сиянием – сейчас был активным обелиск, олицетворяющий стихию Огня. Но вряд ли он так остался еще со времени предыдущего визита. Княгиня Анна Николаевна ведь тоже оперирует Огнем, как и я – если брать мое отношение со стихийными силами элементарной магии.

Осмотревшись, я прошел по приподнятой каменной дорожке, покидая Круг Стихий. Находиться без приглашения у дольмена родового алтаря мне казалось в некотором роде святотатством. И очень не хотелось бы, чтобы меня заметили именно рядом с ним. Мне вообще не хотелось бы, чтобы меня здесь заметили, если честно, но надеяться на это довольно сложно.

Внутренний радар я сейчас не активировал. Решение просилось, конечно. Но даже если озаренная целительница еще не знает, что я здесь, стоит мне только просканировать окружающее пространство, она, несомненно, это почувствует. А с ней я точно не хотел бы сейчас общаться.

Поднявшись по лестнице, я положил руку в выемку в виде круга с четырехлучевой звездой и подождал, пока откроется массивная дверь. После того как проскрежетавшая створка распахнулась, осторожно выглянул. Сделал это непроизвольно, сразу догадавшись о бесполезности – потому что, если в кабинете кто есть, вряд ли не заметил и не услышал открывающиеся ворота в подземелье алтарного зала. Скрежетало, кстати, прилично – петли никто так и не смазал.

Кабинет Петра Алексеевича, моего «папá», был пуст. Миновав помещение, я направился по пустым коридорам к рабочему кабинету княгини. Шел спокойно, без суеты. Сейчас я, конечно, выполнял роль незваного гостя и очень бы не хотел быть увиденным, но передвигаться перебежками от угла к углу точно было бы перебором.

Для начала направился на верхний этаж, в «выставочный» кабинет княгини, где она принимала меня в самый первый раз. Пока шел, ни одного человека из обслуживающего персонала не встретил. Впрочем, странного в этом не было – с того времени, как Анастасия покинула усадьбу, здесь вряд ли кипела жизнь.

В том, что меня еще не обнаружили и не подняли по тревоге службу безопасности, ничего экстраординарного не было – во-первых, охранный периметр я не пересекал и появился в самом сердце поместья; во-вторых, мой статус и допуск, открытый еще озаренной целительницей, никто не изменял и не ограничивал. Не будь этого, я бы не вышел из подземелья алтарного зала. Нет, вышел бы, конечно, но это было бы гораздо более громко, а потом еще и стыдно за подобное поведение.

Когда постучался в кабинет, с трудом сдерживал волнение. Если княгиня здесь, вернее если она не одна... ситуация не очень хорошая. Но выбора у меня не было – время утекало, как песок сквозь пальцы. Время, от которого зависели жизни тех, кто остался в пекле чужого мертвого мира.

В кабинете никого не было. По крайней мере, на стук никто не откликнулся. Осторожно повернув ручку, я зашел внутрь и осмотрелся. Так и есть, пусто. И это радует.

Быстро пройдя и усевшись за рабочий стол княгини, активировал меню выхода в Сеть. Не управленческое меню рода, к которому у меня все еще был незакрытый доступ, а обычное. Знаний обитателя протектората хватило мне для того, чтобы довольно быстро сориентироваться и качественно запутать следы, оказавшись на неотслеживаемой глубине Сети, и уже оттуда связаться с Элимелехом. Воспользовавшись одним из анонимных контактов, которые он мне передавал как раз для таких случаев.

Подумав немного, я активировал окно текстовой связи и быстро напечатал на виртуальной клавиатуре:

«Я отдыхаю в том самом месте, где погибла твоя игрушка, а две другие выжили чудом. Очень хочется домой, только никому об этом не говори».

Даже несмотря на то, что я был уверен – на такой глубине Сети меня никто не найдет, писал шифром. Но Элимелех поймет. Наверняка он вспомнит, как и где снайпер уничтожил его секс-куклу, загримированную под Шиманскую. Остальное вообще в расшифровке не нуждается: почти прямым текстом сказал, что действовать необходимо как можно быстрее и сохраняя при этом конфиденциальность.

Отставив меню текстового чата в сторону, активировал уже управленческое меню княжеского рода. Чекнул местонахождение всех членов рода, после чего увидел, что Анна Николаевна находится сейчас в Николаеве с рабочим визитом.

Просто прекрасно – теперь главное, чтобы и ее сестры целительницы здесь не было. Хотя кого я обманываю – если озаренная светом белая дама пожелала бы меня увидеть, она бы это давно сделала. Елена Николаевна не человек, а существо более высокого порядка и живет в более широком моменте времени, чем обычные люди. Это я к тому, что о моем прибытии в поместье она наверняка узнала заранее. И сейчас знает, что я здесь.

С такими мыслями я и открыл защищенную внутреннюю почту рода. После чего уставился в белое полотно экрана, пугающее своей чистотой. Белое поле, которое сейчас необходимо было заполнить буквами, складывающимися в краткие и все объясняющие фразы. В другой ситуации, наверное, думал бы долго, но сейчас меня подстегивало воспоминание об оставшихся на арене крепости. Поэтому текст накалал достаточно быстро:

«Анна Николаевна, добрый вечер.

Сегодня вечером, по стечению обстоятельств непреодолимой силы, я случайно оказался в подземелье алтарного зала. Прошу простить за совершенный без предварительного предупреждения визит.

В результате непреднамеренного визита я ненадолго воспользовался вашим гостеприимством, и в момент, когда вы читаете это письмо, поместье я уже, скорее всего, покинул. Прошу вас...»

Тут я задумался, споткнувшись на формулировке. Необходимо было прямо попросить княгиню держать произошедшее в тайне. Но как это сделать сухо и скупое, так чтобы и не объяснять подоплеку событий, и не казаться слишком наглым?

В этот момент мигнуло оповещение – появилось ответное письмо от Элимелеха. Почти не думая о том, что пишу, я быстро закончил послание княгине.

«...Прошу вас оставить факт моего визита в тайне. Вопрос не только моей безопасности, но и безопасности всего рода Юсуповых-Штейнберг.

С уважением, Артур Волков».

Письмо отправлять не стал. Оставил активным висящий над столом экран – княгиня, когда в кабине появится, мимо точно не пройдет и обязательно прочтает.

И только после того как поставил точку, перевел взгляд на сообщение от Элимелеха.

«Брачный комиссар, собачья упряжка, 15».

Он, черт его дери, прикалывается там, что ли? Ладно я ему квестами пишу – у него голова большая, с ходу все понимает, но со мной в обратную сторону это не очень работает. Да и как он вообще может дать такую информацию о Елисаветграде, причем на русском языке и... Понятно как – Анастасию мог позвать, вдруг догадался я. Пошел процесс, хоть что-то понял. А значит, думай, голова, думай – напрягся я так, что кулаки сжал.

«15» здесь самое простое, это пятнадцать минут. Собачья упряжка? Просто никаких мыслей и догадок. Брачный комиссар... тоже никак вообще. Ясно, что одно или второе – это привязка к местности. А что я здесь, в Елисаветграде, знаю? Даже по городу толком погулять не успел, только с Зоряной в Пассаж и японский ресторан выбрался да и катался каждый день туда и обратно в гимназию. Туда-обратно в гимназию ездил... мимо памятника графу Румянцеву на площади – вспомнил я.

А граф Николай Петрович Румянцев, как я узнал на лекциях уже этого мира, был именно тем человеком, который подыскивал жен Александру и Константину – внукам Екатерины Великой, один из которых стал императором Российской Империи и правил из Петербурга, навсегда оставшись в мировой истории. А вот второй, по замыслу царственной бабушки, тоже должен был править, но из Константинополя. Не сложилось, к сожалению, – досталось ему не право возродить Византийскую Империю, а всего лишь Царство Польское. Это я тоже только здесь узнал, в этом мире.

«Принял» – быстро написал я сообщение в ответ. Закрыв все окна – с соблюдением необходимых действий по сохранению инкогнито визита в Сеть, оставил только черновик сообщения для княгини. Оглянувшись по сторонам, поправил ее высокое рабочее кресло и вышел из кабинета.

По пути в гараж все же встретил несколько человек из персонала поместья. Но никто на меня пристального внимания не обращал, ограничиваясь дежурными вежливыми приветствиями. Мое недавнее (почти двухмесячной давности) бегство выглядело бегством только для ограниченного числа лиц. Среди которых были княгиня, ее озаренная сестра и Анастасия – которая приехала якобы по поручению матери вслед за мной в Архангельск, да так там и осталась.

В гараже я взял машину, на которой приехал после памятного прыжка в поместье Власова. Когда визит к князю обернулся совсем не так, как я ожидал, – хотя не могу сказать, что я сильно от этого расстроился.

За несколько минут доехал до площади с круговым движением, на которой располагался памятник графу Румянцеву. По пути размышлял о том, что значит «собачья упряжка»,

и параллельно настроил автопилот с заездом в три точки и возвращением автомобиля в гараж усадьбы – нечего имуществом разбрасываться.

В тот момент, когда машина выринула на площадь, я не сдержался и восхищенно выругался. «Собачья упряжка, значит». И как раньше не догадался? – неподалеку от памятника, на брусчатке с газонной решеткой, стоял угловатый черный внедорожник на ребристых колесах.

Domini Canis, Псы Господни – частная военная компания, в последнее время работающая на инквизицию. Ни к Доминиканскому ордену, ни к Святой Инквизиции прямого отношения не имеющая. Эта ЧВК была создана довольно давно, пару десятков лет назад, задолго до того, как даже слухи появились о возрождении Инквизиции. Работали Псы Господа, кстати, по контрактам в основном с атлантами, причем в Латинской Америке, где католиков лишь чуть меньше, чем состав населения.

Сейчас, с возрождением инквизиции, с этой ЧВК на первый взгляд все выглядело так, что «не можешь предотвратить – возглавь». И возвращавшая силу и влияние организация просто по случаю эксклюзивно подписала контракт с ЧВК с таким говорящим названием. Хотя допускаю, что, с умением в этом мире играть вдолгую, компания непосредственно под Инквизицию и создавалась. Очень удобно иметь карманную армию, которая может выполнять самую грязную работу в твоих интересах, не будучи при этом официально принадлежащей к основной организации. И, как следствие, никак не могущую запятнать репутацию основного нанимателя и интересанта.

Пока машина подъезжала ближе, я рассматривал белый глаз на двери внедорожника инквизиторов. Думал о том, что частных наемных компаний в этом мире значительно больше, чем в моем, но планета все равно круглая – так что совсем неудивительно, что Элимелех смог так быстро подрядить цепных псов инквизиции на небольшой контракт по доставке меня из Елисаветграда в Архангельск. Даже без согласования с главным штабом организации, наверняка через региональных офицеров провернул, еще и с надбавкой за срочность. Наверняка такого размера, что оставит ощутимый шрам в моем бюджете.

Покинув машину, я быстрым шагом прошел по парковке и, не оборачиваясь, заскочил в приоткрытую дверь черного внедорожника с белым всевидящим оком на дверях. И только после этого посмотрел, как удаляется мой автомобиль с активировавшимся автопилотом.

Без лишних слов и вопросов инквизиторы привезли меня на частный аэродром, где уже ждал небольшой самолет. Он был в нейтральной ливрее и к ЧВК не принадлежал – что и неудивительно. Не думаю, что инквизиторы спокойно летают по Конфедерации без предварительных согласований. Пусть даже они в этом мире больше связаны не с религией, а действуют под эгидой ООН – выполняя резолюцию по темным искусствам, подписанную всеми цивилизованными странами. Забавно получается – спасать одержимых, пусть и опосредственно, помогают сейчас именно те, кому официально надлежит с ними бороться.

Предупредительно-вежливая стюардесса между тем проводила меня в салон, где я – естественно, оказался единственным пассажиром. Едва за мной поднялся трап, как самолет уже порулил по взлетной полосе. На мою порванную форму гимназиста стюардесса, кстати, никакого внимания не обратила, восприняв столь вызывающий вид как должное. Ну да, судя по всему, моя транспортировка стоит столько, что она не удивилась бы, увидев меня и в национальном зулусском костюме.

Еще более забавной оказалась ситуация с прет-а-порте принтером. Я столкнулся с ограниченным выбором – логиниться под своим айди не собирался, а без авторизации выбор мужских нарядов был весьма скуден. Фрак и деловой костюм мне точно не подходили, как и пижама и спортивный костюм. Зато в списке присутствовал вариант полевой формы частной армии инквизиторов. Его я и выбрал – гулять так гулять. Костюм напоминал форму службы безопасности рода Юсуповых-Штейнберг, в котором я был похож на темного рыцаря-джедая, только в этом варианте цвета были не черно-красные, а черно-белые.

Когда самолет оторвался от земли и набирал высоту, я уже переоделся и расположился в небольшом кабинете. Как раз сейчас смотрел на озадаченного Элимелеха по другую сторону экрана. Ну да, я вроде в гимназию уходил с утра в Архангельске, а к вечеру в Елисаветграде оказался без предупреждения, тут любой удивится. Даже уже привыкший к общению со мной танцор.

– Мне нужно поговорить с Самантой Дуглас, – вместо приветствия произнес я.

Эффект сказанного оказался сильнее, чем от неожиданного ведра воды на спину. Танцор на несколько секунд подвис, размышляя. В тот момент, когда он уже кивнул, я сумел его удивить еще раз.

– Связь нужна так, чтобы Андре об этом не знал.

Андре Смирнофф, если ему верить, работает в первую очередь на русского Императора и только потом выполняет обязательства контракта с британской разведкой. Ситуация же сейчас складывалась такая, что огласка мне нужна меньше всего – тем более с первым державным лицом.

После того как Элимелех провел еще пару секунд в раздумьях, он снова кивнул – намереваясь что-то сказать. Не успел – я нанес последний, добивающий удар.

– Связь нужна прямо сейчас.

В этот раз танцор подвис не меньше чем на полминуты.

– Без Андре я этого сделать не смогу, – выдал наконец Элимелех.

– Тогда найди мне способ переговорить с каким-нибудь высокопоставленным чином из... из королевской Секретной Службы, – вспомнил я, кто именно у англосаксов занимается внешнеполитическими делами.

В этот раз танцор думал совсем недолго и совсем скоро кивнул, подтверждая возможность.

– Только пусть это будет достаточно высокопоставленный офицер, но не совсем с Олимпа. Чтобы с ходу меня не послал, – добавил я, уточняя.

После нескольких мгновений Элимелех еще раз кивнул и посмотрел на меня.

– Действуй, – ответил я на вопросительный взгляд, после чего танцор отключился.

С трудом удержавшись от желания перекрестить погасший экран, я уставился в иллюминатор. Мы как раз поднялись над ковром облаков, подсвеченных красным закатным солнцем. Картина вызвала у меня не очень приятные ассоциации, но другой, к сожалению, за иллюминатором не показывали.

Звук оповещения раздался неожиданно быстро. Обернувшись к экрану, я увидел значок соединения связи. Так скоро, неожиданно, и что самое главное – я еще ведь не придумал до конца, что буду говорить.

Без задержки ответив на вызов, на другой стороне экрана я увидел холеного пепельново-лового мужчину с черными, не тронутыми сединой бровями. Вопреки ожиданиям, он оказался совершенно нетипичной для англосаксов внешности. Скорее уж, американца напоминал – и манерами, и видом.

– Меня зовут Волков Артур. Вы знаете, кто я? – произнес я с самым высокомерным видом, на который был способен.

Судя по виду, не знает. И ответить офицер английской госбезопасности не успел, потому, опережая его, я заговорил снова.

– Не знаете, – расстроено дернул я уголок рта. – Но ничего, еще узнаете. Вам необходимо срочно связаться с Самантой Дуглас и передать ей...

– Послушайте, я не понимаю...

– И передать ей, – повысил я голос, – что ее ищет лорд Артур. Сделать это необходимо прямо сейчас. Имейте в виду, что озвученная мной информация совершенно секретна, и связаться вы должны напрямую с леди Самантой, не ставя больше никого об этом в известность.

Замолчав, на краткий миг я закрыл глаза. В этот момент собеседник начал что-то говорить, с интонациями надменного возмущения, но, едва я открыл глаза и поймал его взгляд, он осекся. Еще издал звук, словно только что хлебнул обжигающе горячего чая.

Могу его понять – когда на тебя смотрит человек с полностью черными, заполоненными мраком глазами, зрелище не из приятных. Я, когда себя в таком состоянии видел в зеркале, мне очень не понравилось.

– Сделаете это – получите орден и премию, не сделаете – я вам не завидую. Действуйте, – еще раз повысил голос я, обращаясь к опешившему офицеру секретной службы, и прервал связь.

Ну а что еще мне можно было сказать? Ничего лучше на ум просто не пришло в столь сжатые сроки.

Времени себе на ожидание дал час. До Архангельска лететь часа четыре, так что, если в течение часа Саманта со мной не свяжется, надо будет искать другие пути решения. А их всего два – Андре и ротмистр Демидов. Но оба они не одержимые, в этом главная проблема.

«Это атака не на тебя», – сказала мне мать Олега. Поэтому я не знаю, поможет мне обращение к этим людям или нет. Тем более я не знаю и не могу узнать, кто именно заинтересован в том, чтобы персидский принц и сибирская царица – если это атака не на меня, отправились в нижний мир без обратного билета.

Но даже не это было главной причиной моего опасения. Я очень хорошо помнил сказанные мне фон Колером слова о том, что одержимых гораздо меньше, чем стихийных одаренных. Но благодаря тому, что одержимые сильнее, они все еще существуют, не уничтоженные стихийными магами. И в ситуации, когда возникла опасность для всех одержимых – когда я появился в поместье Юсуповых-Штейнберг после визита в Высокий Град тронутый истинной Тьмой, профессор ведь в первую очередь действовал как адепт темных искусств, а не как высокопоставленный чин Собственной Его Императорского Величества канцелярии.

И, может быть, правящему Императору, как стихийному одаренному, будет гораздо более выгодно разом избавиться от пятерых потенциально сильных одержимых? Раз уж представился такой удобный случай? Нет, конечно, будут предприняты все возможные меры для спасения и задействованы максимально возможные ресурсы... но все всё понимают, и даже никому прямой приказ не будет нужды отдавать.

Да, параноя. Да, скорее всего, я в корне не прав. Но одно знаю сейчас доподлинно – что единственный человек в этом мире, к кому я прямо сейчас могу обратиться за помощью без опаски – это Саманта Дуглас. Пусть не за помощью, хотя бы за советом.

Оповещающий о входящем вызове звук коммуникатора раздался через час и три минуты – когда я уже распрощался с надеждой и лихорадочно думал о том, с кем связываться – с Андре, чтобы он сообщал по инстанциям о случившемся через имперские ведомства, или с Демидовым, связанным с темными искусствами через Академию ФСБ.

Приняв вызов, я с облегчением взглянул в пронзительно голубые, холодные, как январское солнце, глаза леди Элизабет Саманты Мари-Софии, герцогини Родезийской. Или, как ее называли, «черной принцессой» – наравне со мной потенциально одной из самых сильных одержимых в мире.

Да уж, а тренировки у нее сейчас не менее интенсивные, чем мои, – отметил я, глядя на влажные волосы, прилипшие к лицу, подметив крайне утомленный вид и грязную экипировку Саманты. Видимо, на сеанс связи она прибыла прямо с марш-броска. Может, даже с маршрута вывозили в срочном порядке.

Брови прекрасной смуглянки при виде меня взметнулись в крайнем недоумении. Я сначала не понял, в чем дело, и лишь через пару мгновений догадался, что подобную реакцию удивления вызвал мой полевой наряд инквизитора с белым всевидящим оком на груди.

– Так получилось, – пожал я плечами, извиняясь.

Усмехнувшись, Саманта посмотрела мне в глаза, взглядом давая понять, что всерьез заинтересована происходящим и как можно скорее ждет объяснений.

– Прости, что оторвал от важных дел, но мне нужна твоя помощь, – без обиняков произнес я.

– Почему ты думаешь, что я тебе помогу? – совершенно спокойно поинтересовалась Саманта.

– Потому что я знаю волшебные слова, – как само собой разумеющееся ответил я.

– Да? – вновь удивленно-насмешливо взметнулись брови.

– Да, – с легкой улыбкой облегчения кивнул я и отчетливо произнес следом за Редьярдом Кипплингом, вложившим эти слова в уста мальчика Маугли: – We be of one blood, thou and I.

«Мы с тобой одной крови, ты и я».

Глава 6

Едва я произнес первые слова, принцесса мгновенно насторожилась.

– В чем дело? – совершенно другим тоном произнесла она, убирая со лба прилипшую мокрую прядь.

– Сегодня мне приснился темный кошмар про нижний мир, из которого я смог выбраться с трудом. И очень надеюсь, что ты сможешь помочь мне туда вернуться.

– Вернуться?

– Да. Я был не один, там остались мои спутники.

– Навигатор?

– Мертв. И это единственный, кого я знал из старшей крови, так что, кроме тебя, мне сейчас не к кому обратиться.

«Старшей крови?» – словно бы спросил взгляд черной принцессы. Я сам удивился формулировке, но из-за того, что старался говорить иносказательно, необычное определение само попросилось на язык.

– Печально, – вслух произнесла принцесса.

– Дерьмо случается, – пожал я плечами. В ответ наткнулся на слегка недоуменный взгляд и понял – здесь фраза «shit happens» крылатым общеупотребимым выражением не стала, в отличие от моего мира.

– Сколько... – произнесла Саманта и добавила беззвучно, так что только губы едва шевельнулись: – Там осталось?

В ответ я продемонстрировал ей открытую ладонь с растопыренными пальцами.

– Где создавался пробой?

– Архангельск, – ответил я без задержки.

– Archangel, – на английский манер повторила название города Саманта, покачав головой. Да, если на английском, название города произносится как «Архангел». Что, в сочетании с моей полевой формой инквизитора, сейчас выглядит довольно многозначительно.

– Когда сможешь быть в Московской компании? – после недолгого раздумья произнесла принцесса.

– Часа через три, – уточнил я время прибытия.

– Выход был неблизко? – ничуть не удивилась смуглянка.

– Именно, – ответил я и взглядом показал на форму, словно оправдывая ее наличие чрезвычайными обстоятельствами.

– Встретимся через три часа, в Nemetskiy dvor, – произнесла на русском название Саманта и отключилась.

Глядя в погасший экран, я почувствовал, как по спине стекает одинокая капелька пота. Даже не пальцы, руки начали подрагивать – потому что, если дело не выгорит... государственную измену я точно подниму. Если это, конечно, окажется выгодно тем, кто будет принимать решение. Вернее, тому, кто в случае моей неудачи будет принимать решение, – а это точно будет тот самый человек, который отправил мне фамильный перстень.

В мыслях об этом на второй план отступило даже впечатление от общения с черной принцессой. Которая своим деловым подходом, невозмутимостью и прагматичностью мне определенно начинала нравиться.

Снова связался с Элимелехом, и, едва озабоченный танцор вышел на связь, я произнес:

– Организуй мне доставку из аэропорта в Гостиный двор. Никто, кроме тебя, об этом знать не должен.

Элимелех после моих слов задумался.

– Знать должен только я?

– Да.

– В одиночку в случае чего я не смогу обеспечить полную безопасность...

Хотел было сначала сказать, что пусть еще возьмет Иру или Аду, но потом понял, что разделять змеглазых индианок не лучшая идея.

– Ира и Ада. Больше никто, – с ходу уловил я мысль Элимелеха.

Кивнув, танцор подождал пару секунд и, когда от меня не последовало никаких других указаний, отключился.

Оставшееся до посадки время я просто проспал. Проснулся от толчка, когда шасси коснулись бетона взлетной полосы. Самолет еще не остановился, а в кабинет, где я оставался, оповещающая о прибытии, уже постучалась стюардесса.

Машинально осмотревшись – вдруг чего забыл, я вспомнил, что забывать, кроме свертка с рваным костюмом, мне нечего, и двинулся на выход. Кивнув стюардессе, произносившей дежурные прощальные фразы, сбежал по трапу и сразу заскочил в приоткрытую дверь вставшего вплотную микроавтобуса.

За рулем находилась Ада, а Элимелех и Ира сидели в салоне, вопросительно глядя на меня. Фургон моментально тронулся с места, разгоняясь.

– Московская компания, Немецкий двор, – вместо приветствия произнес я.

Ада вопросов задавать не стала, молча продолжала вести автомобиль. Ира с Элимелехом тоже молчали, но смотрели на меня очень внимательно.

– Меня здесь нет, вы меня не видели, – только и произнес я и после обернулся к танцору, – Эль?

– Да.

– Ты как-то говорил, что можешь поработать над путями отхода.

– Да.

– Начинай работать. Без паники, но, если что, план пусть будет.

– Принял.

От аэропорта до центра города езды было не больше пятнадцати минут. Вскоре за тонированными окнами замелькали фигурные фонари ночной Торговой набережной – по ней до места назначения уже рукой подать. Минута, и впереди показались ярко подсвеченные массивные башни.

Гостиный двор Архангельска в этом мире был не просто восстановлен в первоначальном виде, но и значительно расширен. Да и сам город разительно отличался от своего прототипа из другой реальности. Здесь во второй половине двадцатого века Россия и коллективный Запад не находились по разные стороны идеологических баррикад мировой, а после холодной войны, торговые и культурные связи жестко не обрубались, а железный занавес на границе не возникал – что в корне изменило парадигму развития города.

Информации о таянии льдов, которое в моем мире подталкивало развитие навигации в Арктике, я не видел. Как и не слышал громких разговоров о глобальном потеплении. Но в этом мире были одаренные, работающие со стихией Воды, – и Северный морской путь получил здесь гораздо более раннее и масштабное развитие, а его трафик был сравним с проходимостью Суэцкого канала. Именно поэтому Архангельск, столица Северного морского пути, в этой реальности был городом, название которого мелькало на слуху у всего мира – как Сингапур или Гонконг в моем мире.

Еще с семнадцатого века Архангельск был торговыми морскими воротами России, но основание Санкт-Петербурга похоронило его развитие. В результате торговые представительства, объединенные в каменные палаты крепости, где раньше кипела жизнь, к девятнадцатому веку пришли в упадок и были разобраны на булыжники.

Сейчас восстановленные архангельские торговые палаты, как и сам город, так же были известны по всему миру; Русский и Немецкий гостиные дворы оказались воссозданы в перво-

зданном виде. За ними, с соблюдением идентичного стиля, были построены еще два – Европейский и Атлантический, так что комплекс увеличился в два раза, а количество массивных пузатых башен по периметру выросло до восьми.

В центре же крестообразного общего двора между четырьмя торговыми палатами выросла главная башня, в которой находилось управление Северного морского пароходства. Венчал шпиль башни, кстати, золотой кораблик – близнец того, что находится на шпиле петербургского Адмиралтейства.

Комплекс был интернациональным, и не обошлось без некоторой путаницы, свойственной англосаксам – которые привыкли сеять по планете управляемый хаос. Немецкий гостинный двор, исторически занимаемый немецкими купцами, сейчас занимали англичане – они получили его в пользование после окончания Великой войны, пользуясь преференциями как союзники. И то, что англичане смогли выбить себе у русского царя исторически принадлежащую немцам часть, до сих пор вызывало некоторые трения между представителями Англии и Германии. Обиженные же подобной несправедливостью немцы ныне обитали в Европейском гостинном дворе, в новоделе.

Отличились англичане и в другом: если Европейский и Атлантический гостинные дворы занимали официальные представительства стран – членов Европейского союза и Трансатлантического содружества, то в Немецком располагалась Московская компания – старая и частная английская торговая корпорация, возрожденная после начала освоения Арктики. Не такая известная, как Ост- или Вест-Индская компании, но торговая корпорация, которая по Северному морскому пути эксклюзивно торговала с Россией еще с шестнадцатого века.

Именно к служебным воротам Немецкого гостинного двора ведомый старшей индианкой фургон и подъехал. Не прощаясь, я выскочил из машины, которая сразу же поехала прочь, задом выезжая на дорогу.

Калитку в створке ворот передо мной распахнул вооруженный королевский морской пехотинец и без каких-либо вопросов повел меня по коридорам торговой миссии. Навстречу нам не попалось ни одного человека – видимо, были искусственно удалены, чтобы никто меня не встретил. Но мы и почти сразу свернули в неприметный закуток, после чего на лифте спустились на нижние, подземные, этажи.

Когда покинули лифт, оказались как в другом здании – аутентичный интерьер торговых палат семнадцатого века сменился практичным серым минимализмом хайтека. Миновав несколько по-прежнему пустых коридоров, мы с морским пехотинцем подошли к серьезной на вид двери. Над которой я прочитал: «Mystery and Company of Merchant Adventurers for the Discovery of Regions, Dominions, Islands, and Places unknown».

«Компания купцов-путешественников, исследователей сокрытых земель, стран, островов и неизвестных мест». Первоначальное название, с которым еще в шестнадцатом веке английская корпорация пришла в Россию, и только после стала называться более просто: «Московская компания». Moskovy, Московская – по названию тогда еще страны, на западе известной как Московия, где живут москвиты.

На страже у входа в двери тайной Компании расположились два гуркха в черной форме. Одному из них меня и перепоручил морской пехотинец, отправившись обратно, – мне он так и не сказал ни единого слова. Невысокий (с меня ростом) непалец открыл дверь и провел меня внутрь. Я обратил внимание на золотой значок на его воротнике-стойке – два скрещенных домиком кукри, причем один из них рукояткой вверх, второй вниз. Под клинками римская цифра IV, а над ними высокий плюмаж. 4-й собственный принца Уэльского гуркский стрелковый полк.

Вот этих ребят тут точно увидеть не ожидал – удивился я. Дислокацию всех воинских частей стран Большой Четверки мы не изучали, но о подобных подразделениях знали достаточно подробно. Потому что стрелки четвертого гуркского легкопехотного полка использо-

вались британцами непосредственно против одаренных. И военная база полка находилась в Кашмире – на границе Британской Индии с Королевством Афганистан, где и в этом мире столетиями не прекращались локальные войны, будучи частью не законченной еще Большой Игры.

Между тем вместе с гуркхом мы прошли по нескольким безликим коридорам, проходя мимо дверей без говорящих табличек. Здесь уже встречались люди, которые на меня не обращали никакого внимания.

Вскоре сопровождающий притормозил и приоткрыл дверь, пропуская меня в приличных размеров помещение, напоминающее комнату для долгих переговоров. По крайней мере, здесь присутствовало все необходимое – круглый стол, выделенные места для голопроекций тех, кто участвовал в совещаниях удаленно, кресла для отдыха и даже чайный столик. За которым восседал довольно приметный краснолицый дядечка.

Очень занимательный господин, невероятно похожий на каноничного хоббита. Ноги только не босые, в ботинках. Они-то и привлекли мое внимание – туфли оксфорды с приметным тройным рантом, который используется в обуви марки Гренсон. Остальная одежда краснолицего «хоббита», как я его уже легко назвал про себя, соответствовала классическому кантри-стилю – коричневые твидовые брюки, клетчатая жилетка в тон, рубашка и красный галстук. Чуть ярче, чем багровое лицо с нездоровой кожей, носом картошкой и насупленными, кустистыми седыми бровями. Лысеющий хоббит за прической не очень следил, и несколько включенных прядей торчали в разные стороны.

Пил незнакомец, кстати, кофе, а не чай. И на меня он и не глянул. Даже тогда, когда гуркха закрыл за мной дверь, оставив нас в одиночестве.

– Здравствуйтесь, – приветствовал я краснолицего хоббита. Он на это вообще никак не отреагировал, только звучно отхлебнул кофе.

Осмотревшись, я прошел в центр комнаты, к круглому столу. Отодвинув один из стульев – все они были одинаковые, но этот мне показался более симпатичным, – я присел.

Краснолицый дядечка между тем посмотрел на часы, что-то недовольно пробормотал и еще раз отхлебнул кофе. Поперхнувшись и недовольно прокашлявшись, неизвестный снова сделал звучный глоток, всем своим видом демонстрируя раздраженное равнодушие к моей персоне.

Я только сейчас подумал о том, что с возможностями местной медицины этот господин – учитывая, где и в каком месте я его вижу, при желании мог бы выглядеть Аполлоном. Но не выглядит. Более того, своей неказистой внешностью сильно выделяется среди множества одинаковых идеальных людей толпы.

Почему так? Может, следует традициям, презирая новомодные веяния корректировки внешности? В Англии ведь традиции некоторых сословий регулируют жизнь общества настолько сильно, что далеко в стороне отдыхает даже казахская необходимость в пышной свадьбе. Вон и наряд у него как с картинки, родовитый аристократ на охоте.

Или хоббит передо мной – чистый одаренный или даже сильный одержимый – появилась у меня вдруг запоздалая догадка. Фон Колер ведь тоже непривычно высокий и достаточно нескладный, просто за его горделивой осанкой и властной аурой это не бросается в глаза.

Незнакомец в этот самый момент прокашлял очень уж раздраженно. Я сразу выругался на себя вполне обоснованно. Понимая, что хоббит если не мысли прочитал, то эхо моих эмоций точно уловил. Отвернувшись, я сделал вид, что изучаю противоположную стену и на него внимания не обращаю вовсе. Чтобы не создавать больше проблем ненужными мыслями и не привлекать внимание загадочного незнакомца, принялся считать про себя секунды.

Саманта появилась через тысячу пятьсот пятьдесят три. Распахнулась дверь, и запыхавшаяся девушка влетела в помещение порывом свежего утреннего бриза. Обернувшись, я осмотрел ее с головы до ног, невольно восхитившись.

Стиль одежды у нее соответствовал незнакомому хоббиту – на принцессе был классический британский охотничий костюм. Вот только если краснолицый седой дядька в своем виде органично бы смотрелся в лесу среди голых деревьев и пожухлой листвы, с вертикалкой наперевес и крутящимся под ногами ретривером, то Саманта... На ней были обтягивающие черные штаны, высокие сапоги, белоснежная рубашка с расстегнутым воротом и расстегнутый клетчатый жакет. Шляпку только кокетливую добавить, и прямо сейчас на обложку глянца.

Вид совершенно несопоставим с тем, в котором я увидел черную принцессу совсем недавно, – усталую, растрепанную, в полевой форме особой десантной службы. Сейчас такое впечатление, что над ее видом целая команда стилистов работала. Хотя это вряд ли – наверняка у нее, как и у Валеры, врожденное. Что и как ни надень, все к лицу. Это у меня проблема – в любом наряде, кроме боевой экипировки, если не приложить определенные усилия, выгляжу чучелом, причем наряженным Вовкой из Тридевятого царства.

Стоило только принцессе войти, как хоббит в своем углу неторопливо отставил чашку с кофе, звякнувшую о блюдце, и поднялся. Я наблюдал за ним краем глаза, отмечая неторопливость движений. Несмотря на которую он оказался у стола одновременно со стремительнодвигающейся Самантой.

– Рассказывай, – произнесла принцесса, едва присев. Так, что мы теперь сидели втроем за круглым столом на равном удалении друг от друга. Я вместо того, чтобы начать рассказывать, бросил короткий и выразительный взгляд на краснолицего хоббита. Саманта удивленно взметнула брови, с немым вопросом.

– Меня зовут Артур. «Лорд Артур», – на английском произнес я, умудрившись при этом практически одновременно посмотреть и на принцессу, и на хоббита.

– Я знаю, как вас зовут, молодой человек, – мерзким голосом проскрипел тот с выражением, как будто только вышел из дома и на своей лужайке вляпался в оставленные соседским псом экскременты.

– Сэр Уильям Джон Галлахер, профессор физики и астрономии университета Глазго, – представила мне хоббита Саманта, явно удивившаяся, что мы еще не представлены.

– Физик-экспериментатор, если это вам будет интересно, молодой человек, – проскрипел хоббит, которого я уже невзлюбил. И о котором тем не менее слышал весьма много – фон Колер достаточно часто рассказывал нам о людях – первопроходцах темных искусств.

– А также главный научный консультант Его Величества, член Эдинбургского и Лондонского королевского общества. Наслышан, – произнес я. Зря это сделал, потому что на краткий миг возникло ощущение, что хоббит сейчас произнесет что-либо с интонацией Кирпича из фильма *Snatch*.

– Мы теряем время, – недовольно проскрипел сэр Уильям Джон, чем еще больше усилил мою к нему неприязнь. Кто бы мне еще говорил про потерю времени – сидел тут передо мной без семи секунд двадцать шесть минут, мог бы уже и поинтересоваться, в чем дело.

– Сегодня в семнадцать часов на Малой подземной арене новой гимназии Витгефта у нас проходила лекция по Славянскому язычеству, неофициально – первое практическое занятие по демонологии, – начал я рассказ.

Говорил быстро и сжато. Дополнительных объяснений не требовалось – уверен, что сэр Уильям знал все или почти все о новой гимназии Витгефта и о Малой арене: подобные заведения подготовки одаренных по значимости сравнимы с ракетными шахтами или стратегическими заводами в моем мире, о каждом из которых разведке конкурирующих стран известно.

– ...Занятие проводил профессор барон Максимилиан Иванович фон Колер. Суть и план проводимой лекции профессор нам не объяснял. После краткого вводного слова он...

В этот момент я прервался, потому что хоббит неопределенно хмыкнул. Мне показалось, что таким образом он высказывает отношение к методам фон Колера. Ну да, очень уж выра-

зительно кашлянул – по интонациям и выражению лица теперь понятно, что они с бароном прекрасно знакомы.

– Подробней, что за вводное слово, – требовательно произнес сэр Уильям Джон, перебивая меня.

– Нам были продемонстрированы проекции нашей планеты и одаренных, с указанием похожести души владеющего даром человека на ауру Земли. Объяснив применение астральной проекции...

В этот момент я чуть запнулся. Фон Колер же не зря потратил столько времени на хождения вокруг да около во вступительной части занятия. Наш мир – живой и моделью схож с человеком. Тот, в котором мы оказались, – мир мертвый... Эфир, душа – это пятый элемент, квинтэссенция. То, чего в мертвом мире нет. Это наверняка очень важно, вот только я пока не могу понять чем.

– ...Далее профессор рассказал нам о принципиальной разнице плетений конструкторов, создаваемых стихийными одаренными и одержимыми. О том, что даже на самом высоком ранге владения ледяная стрела сильного одаренного является ничем иным, как обычной большой сосулькой. Потом он пояснил о принципиально более сложном построении заклинаний плетения в темных искусствах, продемонстрировав нам змееглавую плетку седьмого ранга. После демонстрации профессор заставил нас задуматься, каким образом мы, одержимые, получаем слепки и образцы создаваемых плетений, но не дал на этот вопрос прямого ответа. Сказал, что мы направляемся за ним в опасное место, где каждый из нас будет находиться одновременно и в физическом, и в астральном теле. В опасное место, которое безопасно при наличии опытного навигатора.

Я сделал небольшую паузу, после которой краснолицый хоббит кивнул, показывая, что все понимает, дополнений не нужно и я могу продолжать.

– На занятии нас было шестеро. Вся сборная команда гимназии Витгефта по практической стрельбе, пять одержимых и один оборотень. Включив защиту внешнего периметра, профессор фон Колер начал создавать защитный конструкт, гексаграмму Щит Давида. Но когда он наносил последнюю линию, кто-то ему помешал...

Глаза хоббита расширились, и он посмотрел на меня так, словно я атаковал его воинствующим невежеством. Даже ладонью по столу стукнул. Насупившись, сэр Уильям Джон раздраженно свел кустистые брови и сверкнул глазами. Меня он исправлением не удостоил, коротко глянув на Саманту.

– В момент начала создания плетения, особенно такого сильного, никто не может мешать, – произнесла принцесса сразу после взгляда сэра Уильяма.

– Но я отчетливо видел, как профессор в момент нанесения последней линии гексаграммы понял, что происходит что-то неладное. Он словно сопротивлялся кому-то, и последняя линия легла криво, не закрывая мою вершину.

– Самому себе он сопротивлялся, – буркнул хоббит, возмущенно засопев и отвернувшись к стене. Вновь предоставив говорить Саманте, как будто объяснять мне столь очевидные вещи было ниже его достоинства.

– Представь, что ты нажал на кнопку спуска пистолета, – проговорила Саманта. – После этого происходит немало действий – удар бойка по оружию, взрыв капсюльного состава, воспламенение заряда, отделение пули от гильзы et cetera. В тот момент, когда твой навигатор положил первую линию, создавая гексаграмму, он, считай, нажал на спуск, начав плести конструкт. Защита периметра же была включена, ты сказал?

– Да, – кивнул я, уже начиная что-то понимать.

– Значит, никого рядом с вами в этот момент не было и быть не могло. Твой навигатор просто в последний момент почувствовал неладное и сам исправил конструкт. Причем для этого ему потребовалось... титаническое усилие. Не думаю, что кто-либо из тех навигаторов,

кого я знаю, могли бы совершить подобное. То, что он сделал, – это не просто – если применять мою аналогию, это не то, что увести ствол в сторону. Он будто догнал пулю и изменил направление ее полета.

– Получается, профессор сознательно оставил открытой одну вершину, чтобы я смог покинуть гексаграмму?

– Именно.

– Зачем он это сделал? – машинально поинтересовался я севшим голосом. Перед глазами в это время у меня стоял фон Колер с искаженным лицом – за миг перед тем, как на него попала вышедшая из-под контроля Тьма.

– Навигатор, когда открывает пробой в мертвый мир, видит дальше, чем те, кто идет вместе с ним, – пояснила Саманта. – Значит, он увидел, что пробой ведет не туда, куда должно. Или же что с другой стороны вас ждет кто-то опасный.

В некоторой растерянности я посмотрел на принцессу. Получается, фон Колер увидел, что в крепости нас ожидает опасность, и дал шанс покинуть гексаграмму хотя бы одному мне?

Моя ангел-хранительница сказала, что это была атака не на меня. Но если нам помешали не из нашего мира, а из нижнего, то кто тогда и на кого проводил эту атаку?

– Может быть, мы продолжим? – нарушая повисшую паузу, язвительно поинтересовался сэр Уильям Джон. Его фраза подействовала на меня как ледяной душ, и я встряхнулся.

– После того как профессор фон Колер изменил процесс плетения конструкта, истинная Тьма вышла из-под контроля. Он получил повреждения, несовместимые с жизнью. Когда...

– Подробнее! – сказал как плюнул хоббит.

– Я находился в мгlistой пелене, видел происходящее не очень хорошо. Точно могу утверждать, что Тьма попала ему на грудь, сожгла часть плоти вместе с ребрами. Также у него отсутствовала нижняя челюсть.

– Дальше.

– Когда гексаграмма была завершена, вместе с последней кривой линией, мы отправились в другой мир. Появились в месте, напоминающем Гранд-Каньон в Северной Америке. Красное небо, багряные облака, сухо и очень жарко. Старая крепость на вершине скалы, на одной из башен арена. Заброшенная – сверху ребрами натянуты шесты, на них истлевшие тенты.

Помня о названии над дверью – Компания купцов-путешественников, исследователей сокрытых земель и неизвестных мест, – я сделал короткую паузу, глядя на хоббита. Начиная понимать, почему именно такое название на табличке, а также причину нахождения здесь сэра Уильяма Джона Галлахера – легенды среди одержимых, как говорил о нем фон Колер. Сам легенда в это время под моим взглядом словно нехотя кивнул, показывая понимание, о каком месте идет речь.

– Мы шестером оказались на равноудаленных друг от друга ложах, по краям арены. Профессор фон Колер – в центре, в яме для поединков.

– Он умер до того, как вы переместились?

– Нет, уже в другом мире, – вспомнил я, как профессор еще кричал на красном песке другого мира, когда Тьма пожирала его тело.

Сэр Уильям Джон кивнул. Выражение лица у него при этом стало такое, что очень и очень мне не понравилось. Но ничего переспрашивать я пока не стал, продолжив рассказ.

– На арене был старший демон и некоторое количество низших тварей. Пятеро из моей команды оказались в закрытых вершинах гексаграммы. Я в открытой. Сразу после перемещения мне пришлось сбежать, и...

Вновь сэр Уильям Джон хлопнул ладонью по столу.

– Четко и подробно, сколько и кого видел на арене и в крепости, – проскрипел хоббит.

Если честно, то сэр Уильям Джон уже вызывал у меня стойкую неприязнь. Легенда легендой, то это не отменяло того факта, что он оказался довольно пренеприятным типом. Впрочем,

то, что хоббит начинал меня подбешивать своим снобским видом и показательным язвительным пренебрежением, к делу отношения не имело, эмоции я контролировал. Тем более что просьба описать подробно, кого я увидел на арене, была вполне уместна.

– В центре арены, в яме площадки для поединков, где появился профессор фон Колер, находился гуманоидный демон. Ростом выше двух метров, красноватая кожа с коричневыми пигментными пятнами, отсутствие растительности на лице и теле. Оранжевые, заполненные демоническим пламенем глаза, за спиной среднего размера перепончатые крылья.

Сэр Уильям Джон после моих слов переглянулся с Самантой. Причем в его взгляде четко читалось пренебрежение.

– Инфернал, – произнесла принцесса и пояснила в ответ на мой недоуменный взгляд. – Демон, описанный тобой, – это инфернал. Они оперируют Огнем, не демоническим пламенем.

– Этому инферналу, видимо, никто не рассказал, что ему положено оперировать Огнем, – пожал я плечами и добавил: – Потому что в глазах у него точно горело демоническое пламя, а не Огонь.

– Много ты видел демонического пламени, – хмыкнул хоббит.

– Я прошел инициацию в огненной стихии, – позволил я себе чуть покровительственного тона, – уж демоническое пламя от стихийного огня отличу.

– Bullshit, – произнес краснолицый профессор, что можно было перевести как «херня, не верю».

– Конечно херня! – сдержаться мне не удалось. – Я ведь подписался на перспективу государственной измены только ради того, чтобы навешать вам лапши на уши и произвести впечатление на прекрасную леди, – скопировав его язвительный тон, уже более спокойно произнес я.

– Все ошибаются. Продолжай, – негромко произнес сэр Уильям, глядя на меня с прищуром из-под кустистых бровей. Словно говоря, что он меня насквозь видит и ни капельки не верит. Спорить я не стал и продолжил рассказ.

– У ложи, где я оказался, находилась стая низших тварей – похожих на адских гончих, только без Тьмы...

– Гиены, – подсказала Саманта.

А ведь действительно, как гиены – поразился я тому, как в момент знакомства угадал с их названием.

– Стая гиен, штук двадцать. Кроме этого, рядом со мной находилось четверо мутантов с костяными гребнями на руках.

– Бурбоны, – подсказала принцесса.

– Как? – переспросил я.

– Barebones, – отчетливо произнесла Саманта.

Bare – голый, bone – кость. Вот только слово «barebone» принцесса в первый раз произносила по-другому, как «Бурбон» – созвучно с французской королевской фамилией. Типичный английский юмор – британцы часто так делают, не принимая никаких претензий и смеясь наедине сами с собой.

Я, рожденный в СССР под русскими осинами, каким-то неведомым образом унаследовал идеальный французский выговор и такое же идеальное понимание английского юмора. Правда, очень долго об этом просто не знал – и расстраивался, когда мои шутки казались смешными только мне и никому другому (а островных англосаксов рядом не было). Вот как глобализация пошла по миру, через много прожитых лет я узнал, что у меня в наличии, оказывается, есть черта, присущая настоящему британцу.

Еще надо будет потом узнать, как костяных тварей официально называют. Могу ведь попасть в неудобную ситуацию, обидев кого-либо: может, назвать мутанта бурбоном в присутствии франкофона так же неуместно, как и употребление слова «лягушатник».

– Рядом со мной оказалось четверо бурбонов. Они неожиданно умерли, а гончие, к счастью, отвлеклись, поэтому я смог покинуть арену.

– Инфернал тебя не заметил? – поинтересовалась Саманта.

– Он же был занят слепком Макса, – язвительно буркнул сэр Уильям Джон.

– Нет, – посмотрел я в глаза хоббита, одновременно пытаюсь переварить смысл услышанной фразы. – Инфернал меня сразу заметил и кинул четыре копыя, сотканых из демонического пламени. Первые два практически одновременно, с двух рук. По мне чувствительно попало пару раз, так что я уж смог разобраться, Пламя это или Огонь, – скопировав язвительно-поучительные интонации хоббита, ответил я.

Саманта с сэром профессором вновь переглянулись. Когда сэр Уильям Джон повернулся ко мне, в глазах его сквозило крайнее недоверие. Но комментировать он не стал, взглядом попросив продолжать.

– Инфернал ни убить, ни догнать меня не смог, а...

– На что отвлеклись гиены?

– Со мной оказался подчиненный демон, сжатый в статуэтке артефактной компрессии. Я бросил его в стаю, он их отвлек. После этого я не стал задерживаться на арене и смог по коридорам крепости убежать от инфернала.

– Смог убежать, – проскрипел сэр Уильям Джон, – опаленный демоническим пламенем?

– Я же не сказал, что это было легко, – удивленно посмотрел я на него. – В одном из залов я наткнулся на пару десятков бурбонов, и мне пришлось выпрыгнуть в окно.

– Во двор? – недоверчиво спросил хоббит.

– Нет, наружу.

– Там пропасть!

– Я. Не говорил. Что это было легко, – еще раз, уже сам демонстрируя раздражение, повторил я.

После чего сразу вздохнул устало: потому что Саманта смотрела на меня с недоверием, а сэр Уильям с откровенным предубеждением. Бывает так, да – оснований не верить человеку нет, но ты ему все равно не веришь, потому что озвучивает он невероятные вещи, похожие на неуместную шутку. Так же, наверное, смотрели на собеседника немцы, когда слышали, что сборная Германии на чемпионате мира по футболу проиграла Южной Корее.

Убеждать времени особо не было, поэтому я просто вытянул руку над столом. И уже через мгновение ощутил в руке тяжесть кукри. Без задержки, прямо из положения сидя швырнул его вперед, в пространство между Самантой и профессором.

С демонстрацией чуть было не попал в глупое положение – потому что, телепортировавшись к клинку, едва успел затормозить перед стеной, довольно ощутимо в нее врезавшись. С невозмутимым видом, словно так все и было задумано (*airborne style, baby*), обернулся и встряхнул ножом, словно сбрасывая с клинка кровь. Отпущенный кукри мгновенно растворился в воздухе, оставив после себя лишь легкую пелену подернутого дымкой воздуха.

После того как я провел на сковородке мертвого мира несколько часов, раз за разом телепортируясь к брошенному клинку, еще вчера казавшееся сложным действие сейчас ощущалось совершенно естественным. Мне теперь, наоборот, было сложно ошибиться – как водителю, долго едущему на механике, сложно добиться того, чтобы машина на первой передаче заглохла, а не тронулась с места.

Быстро вернувшись на свое место, я посмотрел только на профессора.

– Да, там глубокая пропасть. Но затормозил у самого дна я примерно так. Еще какие-либо сомнения?

– Продолжай, – дернул мясистым носом сэр Уильям Джон, нахмутив еще более встопорщившиеся брови.

– После того как я оказался на дне пропасти, прилетел мой демон. Пользуясь тем, что инфернал погнался за мной, он смог забрать и принести тело профессора фон Колера.

– Что за демон?

– Низший демон, не знаю, как его зовут. Он ко мне случайно попал, – пожал я плечами, недоумевая самому себе. Потому что, действительно, как-то ведь и не удосужился узнать, что за демон у меня в услужении и какой у него ранг в классификации.

– Как он хотя бы выглядел в истинной форме?

– Волчья голова и тело, но крупнее оригиналов, драконьи крылья и хвост, размер чуть больше лошади, – дал я полное описание.

Саманта невольно отпрянула, откинувшись на спинку стула, а профессор, как показалось, увидел перед собой ожившее ископаемое. Что удивительно, он промолчал, но глядел на меня так, словно вот прямо сейчас готов спросить: «Что ты такое?»

– Перстень Макса? – резко спросил профессор, встряхнувшись и избавившись от шока услышанного.

– Со мной, – кивнул я.

– Тело?

– Осталось в мертвом мире. Его охраняет демон, по нашей договоренности он уже должен был найти место неподалеку от замка, чтобы можно было навести маяк.

– Кто знает о том, что ты был в мертвом мире?

– Кроме вас двоих, никто.

– Кто тебя лечил? Раны от демонического пламени невозможно...

– Возможно, – специально, из вредности, невежливо перебил я его, не дослушав до конца. – Я вернулся в этот мир по личному маяку на родовой алтарь.

– И? – недовольно фыркнул, почти крикнул профессор.

– Упал в бассейн с водой... ну, не водой, что там в родовом источнике за жидкость, не знаю. И как-то излечился, механику не понял.

Краснокожий профессор захотел что-то сказать – даже рот открыл. Рот так и оставил открытым, глядя на меня. По-моему, фраза «Что ты такое?» все ближе и ближе.

– Хорошо, – закрыв рот, кивнул краснолицый хоббит, задумавшись.

– Сэр Уильям Джон?

– А? – почти нормальным голосом ответил профессор. Видимо, настолько задумался, что забыл о том, что на меня следует смотреть как на недоразумение.

– Максимилиан Иванович жив?

– Нет, – отрицательно покачал головой профессор. – Объясни ему, – махнул он рукой Саманте и отвернулся в глубоком раздумье, полностью уйдя в себя.

Прежде чем заговорить, Саманта прикрыла глаза и склонила голову, выражая мне сочувствие. И только после секундной паузы заговорила.

– Ты знаешь, что мир, в котором ты оказался, мертв?

– Да, мне сказал об этом демон.

– Твой навигатор перед путешествием в другой мир показал вам одаренного с аурой эфира и наш мир с аурой эфира. Когда умирает любой одаренный, в том числе одержимый, его душа становится частью мира. Планета словно забирает ее себе, растворяя.

Не скрывая удивления, я смотрел на английскую принцессу, которая в пару фраз объяснила мне буквально фундаментальные вещи. Причем до безумия простые – как я раньше этого не понял, даже не знаю.

– Из воды мы вышли, в воду и вернемся... – процитировал я.

– Да, все верно. Мертвый мир, в который вы попали, своей души, эфира, больше не имеет. И когда в нем умирает... не знаю насчет стихийных одаренных, ни одного, думаю, там еще не было. Но когда в нем умирает одержимый, это смерть истинная – астральной проекции про-

сто... грубо говоря, не за что зацепиться, а аура эфира, душа, потеряв якоря в виде физического тела и астральной проекции, которая вне эфира существовать не может, просто растворяется, также погибая.

Некоторое время мне потребовалось, чтобы уяснить сказанное, после чего я кивнул.

– Зачем фон Колер привел нас в этот мир?

– Ты сказал, он демонстрировал вам плетение седьмого ранга.

– Да, змееглавая плеть.

– И сказал, что объяснит, каким образом можно выучить плетение этого конструкта.

– Именно.

– В мертвом мире, когда ты убиваешь любого владеющего даром, ты имеешь шанс забрать его слепок души и, в зависимости от умения и везения, часть знаний. Ты в курсе, что каждый пятый одержимый погибает после инициации?

– Да.

– Большая часть этих случаев – это не потеря контроля, как принято заявлять официально, а смерти на аренах нижних миров. И это наша общая тайна.

После слов Саманты я понял, что мое спорное решение обратиться именно к английской принцессе, а не к имперским чинам, фээсбэшникам или окольными путями пытаться найти родственников Валеры не такое уж и спорное. Как чувствовал.

В смешанных чувствах я смотрел на прекрасную смуглянку напротив, которая с будничным видом излагала такие удивительные, меняющие мое представление о мире вещи.

– Почему только каждый пятый? – задал я вопрос.

– Потому что по Темному пакту – истинному Темному пакту, недавно инициированные одержимые сражаются на арене только с низшими демонами. Демонов гораздо больше, чем нас, и они участвуют в поединках несмотря на гораздо более низкие для себя шансы – в случае победы приз для них достаточно велик, чтобы рисковать. Поединки происходят в нейтральных местах, таких как крепость Карраг, в которой вы оказались. Вот только если там в момент вашего прибытия был...

– Инфернал? – подсказал я, когда Саманта замялась.

– Это... не инфернал, – глянула на меня своими пронзительными голубыми глазами растерянная принцесса. – Я не знаю, кто это. Но можно утверждать уверенно, что твой навигатор профессор фон Колер его почувствовал и попытался как-то исправить ситуацию.

– Так, – в этот момент произнес сэр Уильям Джон, как будто и не прекращал участие в разговоре. – У нас есть два варианта действий. Первый – мы идем по маяку, к телу Макса. Это плохой план, потому что Карраг без крыльев неприступна и мы можем просто поцеловать ворота и удовлетвориться этим...

– Но...

– Но твой демон, даже если это действительно Мархосиас, больше чем трех человек или четырех гуркхов на стены за раз быстро не поднимет! – раздраженно перебил меня профессор. – Вариант второй. Я знаю, как открыть пробой в Карраг, и знаю точные координаты арены. Мы можем отправиться туда с группой до двадцати человек и вернуть обратно звезду, созданную Максом.

«Ты можешь вернуться в наш мир и зеркально восстановить Щит Давида с этого же места, повторив работу твоего навигатора», – вспомнил я слова своей ангел-хранительницы, о роли которой, естественно, умолчал.

– Но... – произнес я, по виду хоббита понимая, что он что-то недоговаривает.

«Но ты совсем туп, юный падаван?» – очень отчетливо сказал мне его взгляд.

– Но для этого нам необходим доступ на Малую арену твоей гимназии, – поражаясь моей недогадливости, произнес сэр Уильям Джон.

«Fuck!» –отреагировал мой внутренний голос.

Действительно, арена ведь сейчас закрыта периметром активированных щитов. И снять защиту можно либо изнутри, либо по решению комиссии во главе с директором гимназии. Очевидно же – просто, вспоминая разговор с ангелом, я об этом не подумал.

– Примерно так же скажут те, когда наши мальчики устроят яркий фейерверк, уничтожая щиты, – довольно мерзко усмехнулся краснолицый хоббит, явно предвкушая веселье. – И да, действовать нам будет необходимо очень быстро.

Боюсь даже предположить, но мне кажется, что мы с ним в чем-то похожи. Возможно, он тоже энергетический вампир и чужие горящие по его вине задницы поднимают сэру профессору настроение.

Господи, неужели я, когда вырасту, стану таким же гнусным старикашкой?

– Если попробовать сходить на разведку по маяку...

– Можно попробовать, – согласно кивнул сэр Уильям Джон, сейчас глядя на меня с особенно мерзким выражением лица. – Вот только во Втором Инферно через пару часов уже наступит утро.

Теперь настала моя очередь откидываться на кресло.

– F-fuck! – теперь уже вслух произнес я.

Глава 7

– Хорошо, давайте к делу, – произнес я, смущенный своей несдержанностью и избегая взгляда Саманты. – Как понимаю, второго навигатора у нас не будет, и мы сможем создать пробой в другой мир или по маяку, или по следу плетения профессора фон Колера?

– Именно, – кивнул сэр Уильям Джон Галлахер.

– Значит, работаем по второму варианту, – кивнул я, принимая очевидное решение. – Есть конфиденциальный канал связи?

– Здесь нет открытых каналов, молодой человек, – язвительно произнес краснолицый профессор.

– Отлично. Тогда, будьте любезны, дайте указание готовиться штурмовой группе, в которой оставьте для меня одно место, – произнес я, одновременно постукивая пальцами по столу. – Да, и для того, чтобы попробовать избежать громкого фейерверка, мне не помешал бы предварительный план операции с хронометражем, – задумавшись, я невольно слишком громко хлопнул ладонью по столу, открывая меню выхода в Сеть.

Краем глаза заметил, как сэр Уильям Джон и Саманта переглянулись. Профессор выражением лица словно показывал, что столкнулся с неизбежным злом – так ему не понравился мой приказной тон. Зато голубоглазая смуглянка смотрела с тщательно скрываемым удовлетворением – словно показывая своему мастеру-наставнику, мол, я же говорила, это весьма сообразительный парень.

Мои пальцы между тем забегали по виртуальной клавиатуре, когда я через глубинные уровни Сети выходил на связь с Элимелехом.

– Да, мой лорд, – произнес танцор, едва оказался на связи.

Снова краем глаза я заметил, как профессор и принцесса еще раз переглянулись. Элимелех, конечно, удивил – он практически не обращался ко мне подобным образом, а сейчас как чувствовал. Хотя тут большого ума не надо, чтобы догадаться, – он ведь меня в Московскую компанию привез, к англосаксам. Большого ума не надо, но все равно молодец, сделал мне приятное.

– Эль, мне очень быстро нужен домашний адрес директора гимназии Витгефта Жаровой Марьяны Альбертовны, а также вариант, как обойти системы безопасности в ее доме, – быстро проговорил я.

– Принял, мой лорд, – произнес Элимелех и в ответ на мой взгляд замер, ожидая продолжения.

– Через несколько минут я сообщу тебе контрольную точку по времени. Если до этого момента не выйду на связь и не дам отбой, ты должен связаться с родственниками Валеры Медведева и Эльвиры Зариповой. Найди тех владеющих, кто как можно выше стоит в иерархии их родов. Отправишь им сообщение, что во избежание ненужной огласки им будет лучше как можно быстрее прибыть в Архангельск для того, чтобы купировать последствия проблем в обучении их отпрысков. Добавь еще, что это вопрос жизни и смерти, а также государственной важности.

– Принял, – кивнул Элимелех, который уже одним глазом смотрел на меня, а вторым в пространство дополненной реальности. – Госпожа Жарова отсутствует по домашнему адресу, – вдруг быстро произнес он.

– Где она?

– Улетела в Пермь на конф...

– F-fuck! – снова не сдержался я. – Забудь о Жаровой, работай по родителям Валеры и Эльвиры, я с тобой свяжусь через несколько минут.

– Принял, – коротко ответил танцор.

Отключившись, я посмотрел поочередно на профессора и принцессу, которые сейчас также были погружены вниманием в интерактивные экраны тактического анализатора. Увидев, что я отвлекся, Саманта скопировала один из экранов и отправила его ко мне легким движением руки. Как раз в этот момент в центре стола появилась проекция Малой арены гимназии, а рядом макет крепости Карраг, в которой я был совсем недавно.

На экране, который отправила мне Саманта, уже был список состава участников штурмовой группы и первичный хронометраж операции спасения. Скользя взглядом по изображению, в череде азиатских имен гуркхов я зацепился за одну очень не понравившуюся мне строчку. Но пока решил оставить этот вопрос на потом.

– Есть для меня более подходящая одежда? – поинтересовался я, бросив короткий взгляд на эмблему пламенеющего ока Инквизиции на левой стороне груди.

– Нет, – покачала головой Саманта. И пояснила под моим недоуменным взглядом: – Тебе нежелательно пользоваться прет-а-порте принтером нашего представительства, а готовый костюм на тебя быстро и без огласки вряд ли найдут.

– У вас же обезличенная одежда из принтеров?

– Вот именно. И в случае чего одежда, происхождение которой не отследить, вызовет ненужные вопросы и может привести оперативников сюда. К инквизиторам же разбираться никто не полезет – сделают вид, что чего не видно, того не было.

«В случае чего». Как принцесса изящно намекнула на то, что я могу превратиться в бездыханное тело.

– Если у нас все получится и мы вернемся обратно с вами в составе спасательной группы, то сохранить инкогнито не получится в любом... – начал было я, обращаясь к сэру Галлахеру, но сразу был перебит.

– Мы не вернемся. Карраг находится не так далеко от форпоста МК, до которого мы доберемся самостоятельно. Обратно, если все получится, ты вернешься только со своей командой и телом Макса.

«МК». Наверняка Mystery Company – сокращение от Mystery and Company of Merchant Adventurers for the Discovery of Regions, Dominions, Islands, and Places unknown. И совпадает с аббревиатурой Московской компании, Moskovy Company. Удобная конспирация, даже в беседах при посторонних людях.

Причем словосочетание «от форпоста МК» сэра Галлахера произнес так, что мне стало ясно – непосредственно он к Компании не принадлежит. Скорее, выполняет контролируемую роль. Что, в принципе, и неудивительно, учитывая его статус. Тон, кстати, у профессора сейчас был предельно деловым. Словно он на некоторое время забыл, что смотреть на меня надо как на наглое недоразумение.

– В Инферно же скоро рассвет, и это адское пекло...

Профессор громко фыркнул, вдруг вспомнив, как именно на меня надо смотреть. Но сразу отвернулся, предоставив говорить Саманте.

– Если в группе умелый одержимый, тем более навигатор, пекло Инферно нам будет не страшно, – пояснила принцесса. – После отправки зеркала Звезды Давида обратно мы спокойно доберемся до нашего форпоста.

Вот в этом «нам» и «мы доберемся» и заключалась беспокоившая меня проблема. Кивнув давшей ответ принцессе, я развернул интерактивный экран и зацепил плашку с именем «Саманта Дуглас», после чего вывел ее из списка состава участников. Коротко глянул в глаза недоумевающей принцессе, после посмотрел на красномордого сэра. И неожиданно увидел выражение удовлетворения на его лице. Но когда вновь посмотрел на Саманту, столкнулся со взглядом голубых глаз, в котором заметил разгорающуюся холодную ярость. Принцесса была настолько поражена моим поступком, что явно сразу не нашлась что сказать.

– My kill shall be thy kill if ever thou are hungry, – не нашел я сейчас ничего лучше, чем еще одна цитата из Книги Джунглей Киплинга.

«Моя добыча будет твоей добычей, если ты проголодаешься».

Подождав секунду, не отводя взгляда от черной принцессы, добавил:

– Всегда, моя леди. Но не в этот раз.

– Почему? – блеснула глазами Саманта. Холодная ярость уже была не настолько и холодная, а смуглянка стала похожей на разъяренную большую и опасную кошку. Очень опасную.

– Потому что я недавно был в Инферно и боюсь за тебя. Да, это наше общее дело как представителей Старшей Крови, но если с тобой что-то случится, я себе никогда этого не прошу. Кроме того, не могу представить, как буду смотреть в глаза твоей семье. В случае чего, – повторил я ее же недавние слова.

– Я иду в группе, это не обсуждается, – дрожащим от злости голосом сказала как отрезала Саманта.

– Тогда я сейчас встаю и ухожу, – точь-в-точь таким же тоном произнес я. – И иду в канцелярию русского царя, ООН, ЮНЕСКО или даже в Спортлото, потому что больше не знаю, к кому обратиться за действенной помощью.

– Ты отсюда не уйдешь, – покачала головой Саманта.

– Примерно так же думал инфернал-неинфернал в крепости Карраг, – парировал я, делая вид, что в любой момент готов телепортироваться прочь.

Блефовал, конечно, но мысли о том, чтобы смуглянка шла с нами, даже не допускал. До сих пор помню пугающую ауру места и ощущение взгляда в спину от инфернала, повелевающего демоническим пламенем. И если с ней там что-то случится, мне ведь с этим жить.

Сэр Галлахер, кстати, пока мы обменивались доводами, изучал ноготь большого пальца левой руки, словно увидел на нем что-то крайне интересное. Но вдруг, как только повисла тяжелая пауза, поднял взгляд и посмотрел на Саманту.

– Это на самом деле может быть весьма опасно, и я согласен с молодым человеком, – прокрипел профессор уже привычно неприятным тоном. – Леди Саманта, жду вас на базе МК в Глазго, на выходе из Второго Инферно через четыре с половиной часа. Инструкции, что делать, если мы не появимся, получите по прибытии на место.

Несколько секунд принцесса смотрела на меня с нескрываемой яростью, после чего кивнула профессору и резко встала. Вышла она из кабинета так, что дверь слетела с петель и впечаталась в противоположную стену коридора. Как только стук каблуков удаляющейся принцессы стал тише, профессор прокашлялся. Не сразу я понял, что за надсадным кашлем скрывается мерзкий смех. Ну точно он из этих, которые «сделал гадость – весь день на сердце радость».

– A brave heart and a courteous tongue... – неожиданно произнес сэр Галлахер, подняв на меня взгляд.

Храброе сердце и вежливый язык. После этих слов я весьма удивился – не ожидал от язвительного и вечно недовольного профессора подобного. Но когда он продолжил, я понял, что это очередная цитата из Киплинга.

– ...They shall carry thee far through the jungle, manling.

«Храброе сердце и вежливый язык. С ними ты далеко пойдешь в джунглях, человечек».

Слова, сказанные юному Маугли, профессор процитировал не своим голосом и с непривычными интонациями – явно пародируя голос мудрого питона Каа из фильма или мультфильма этого мира, который я не смотрел.

Едва закончив говорить, сэр Галлахер возвратился вниманием к интерактивному экрану с планом операции. Но, прежде чем вернуть себе полностью рабочий настрой, профессор едва слышно пробормотал что-то еще. Не уверен, но вроде похоже это было на «Ах ты ж дерзкий сукин сын».

Глава 8

В своей спальне Татьяна Николаевна оказалась совсем непохожа на ту статную даму в строгом деловом костюме, которую я привык видеть в совершенно другой обстановке. И надо сказать, выглядела заместитель директора гимназии волнующе и соблазнительно. Потому что она сейчас, полностью нагая, спала на своей широкой кровати.

Спала беспокойно – выполняющая роль одеяла тонкая простынь скомкана и откинута прочь, шикарные длинные волосы, которые в гимназии всегда заплетены в толстую косу, разметались по подушке. Отброшенная в сторону простынь едва закрывала уголком часть бедра, а между ног, обнимая, Татьяна Николаевна сжимала огромную подушку с изображением розоволосой девочки из аниме.

«Дакимакура» такие штуки называются. Подушки в полный рост, предназначенные для того, чтобы их во сне обнимать. В своем мире к японской культуре я не относился практически никак, зная только, что «суши» правильно произносится как «суси». В этом же мире японские рестораны, предметы быта и элементы культуры в повседневности встречались постоянно – Япония в составе Конфедерации, что накладывало отпечаток на привычные нормы жизни. Из которых, кстати, – из привычных норм, Татьяна Николаевна всерьез выбивалась.

Самому невнимательному взгляду было заметно, что живет заместитель директора гимназии Витгефта ни в чем себе не отказывая. Даже от меня это не укрылось, хотя в общественной жизни гимназии я не участвовал. И близко общался с Татьяной Николаевной всего единожды. Зато хорошо запомнил, как мы пересеклись с ней на крыльце гимназии, когда она пожелала показательно застроить меня за отсутствие ординарца, а потом еще и за грядущее опоздание.

Даже будучи озабочен своими неотложными проблемами, тогда я обратил внимание на ее элитный спорткар. Сейчас же еще более уверился в любви Татьяны Николаевны к роскоши – после переезда из Елисаветграда в Архангельск она арендовала немаленький особняк, приподнятый на сваях над обрывистым срезом пляжа. Одна из стен ее спальни была панорамной, открывая вид на северное море, сейчас тонувшее во тьме тяжелой осенней ночи.

Включив ночник, осветивший просторную спальню призрачным красноватым сиянием, я подошел ближе к кровати. Стараясь действовать бесшумно, приподнял простынь и накрыл женщину, чтобы в момент пробуждения она не смутилась своей наготой. В тот момент, когда я легонько накинул на нее невесомую простынь, Татьяна Николаевна вздрогнула и проснулась.

– Тсс! – только и сказал я, глядя в расширившиеся от удивления глаза.

Заместитель директора, находясь на границе сна и яви, пока совершенно не понимала, что происходит. Машинально она отпустила обнимаемую подушку и подобрала простынь, натягивая ее под самое горло. Перевернувшись на спину, она, толкаясь ногами, уткнулась затылком и шеей в изголовье, словно желая покинуть ночной кошмар и проснуться в нормальном месте и времени.

– Татьяна Николаевна, доброй ночи, – произнес я в полный голос, отчего женщина вздрогнула.

Отступив на пару шагов, подхватил неподалеку стул и принес его ближе к кровати. Поворачиваясь к Татьяне Николаевне спиной я безбоязненно – она не была одаренной, и даже если у нее под подушкой пистолет, среагировать успею.

К тому же сейчас я был предельно собран. В этом состоянии – при полной ясности мыслей и максимальной концентрации, неожиданно странно начал работать мой внутренний радар, став практически третьим глазом. Так что сидевшую на кровати женщину я «видел».

Причем видел не зрением. Это, наверное, было как-то похоже на полет летучей мыши – которая при хорошем зрении еще использует и эхолокацию, воспринимая, кроме зрительных образов, контуры акустической картины мира вокруг. Только я использовал не звуковые

волны, а ауру... не знаю, может ауру эфира или астральный план – самому сразу не понять, а спросить пока не у кого.

Ножки стула звучно ударились в пол. Поставив его практически вплотную к кровати и развернув задом наперед, я присел, опираясь грудью и руками на спинку. Татьяна Николаевна в этот момент села выше и прислонилась спиной к изголовью кровати. И еще выше подтянула простынь, под самый подбородок.

Похоже, она уже окончательно проснулась и начала осознавать происходящее – в неярком свете ночника было видно, как заалели ее щеки. Но надо отдать Татьяне Николаевне должное – истерику устраивать не собиралась, глупые вопросы не задавала. Весьма сообразительная дама. И мне теперь еще более понятно, как она – не владеющая даром, смогла занять столь престижную должность в императорской гимназии для одаренных.

– Татьяна Николаевна, предупрежу сразу: у нас мало времени. Поэтому мне очень нужно, чтобы вы максимально быстро пришли в рабочее состояние. Готовы слушать важную информацию?

Татьяна Николаевна кивнула. Действительно готова, по взгляду видно прекрасно.

– Отлично. Прежде чем начну, хочу попросить у вас прощения. Но обстоятельства так сложились, что несчастливый билет выпал вам, потому что госпожа Жарова в отъезде.

Извиняющимся жестом склонив голову и едва разведя руками, я вернулся к предельно деловому тону:

– Теперь к делу. Сообщаю вам, что меньше чем через час наземная часть здания Малой арены будет уничтожена, а внешние защитные щиты деактивированы. Сделает это группа неустановленных лиц, которых после совершения диверсии никто не сможет найти. Имейте в виду это как данность.

Сохраняя молчание, Татьяна Николаевна пристально смотрела на меня поблескивавшими в полумраке глазами. Да, самообладание у дамы просто прекрасное. Завидую.

– Как подобная, выходящая из ряда вон ситуация скажется и на репутации гимназии, и непосредственно на вашей, как ответственного в данный момент руководителя, пояснять, думаю, не нужно. Но есть выход: вы можете мне помочь и деактивировать внешнюю защиту периметра прямо сейчас.

– Я не могу, – покачала головой Татьяна Николаевна.

– Пожалуйста, больше никогда не пытайтесь лукавить в общении со мной. То, что вы можете снять защиту, как исполняющая обязанности директора – на время отъезда госпожи Жаровой, я прекрасно знаю. Знаю даже, как это сделать без сбора комиссии: на этот случай у вас есть чрезвычайный специальный протокол. И вы должны будете задействовать его в четыре часа утра, якобы по согласованию с профессором бароном Максимилианом Ивановичем фон Колером. Согласование я вам организую задним числом.

Сознательно упомянул о том, что профессор – барон. Татьяна Николаевна, как я прочитал по пути сюда в карточке личного дела, не только любит роскошь, но и всеми силами стремится пополнить ряды неодаренного дворянства, относясь с большим пиететом к аристократии.

– Специальный протокол – это...

– Я знаю, что такое специальный протокол. Но, поверьте, это меньшее зло в нашем случае. А с Марьяной Альбертовной, уж будьте уверены, я договорюсь, и, кроме премии, за сей поступок вам ничего более полагаться не будет.

Здесь я блефовал, конечно. Но говорил уверенно и без тени сомнений. Дама передо мной, не обладая владеющим даром, смогла занять руководящую должность в гимназии для одаренных – такая самую малейшую слабину почувствует.

– Но специальный протокол – это...

– На уровне императорской канцелярии также найдутся влиятельные люди, которые смогут объяснить его использование и убедить надзорные органы не задавать лишние вопросы.

Здесь тоже блефовал – потому что не был уверен, что родственники Валеры или Эльвиры смогут прикрыть мне задницу. И прикрыть задницу Татьяны Николаевны тоже (тут я невольно глянул на тонкую простыню, натянувшуюся по ее телу в районе бедер).

– Правда, есть небольшой нюанс, – вновь посмотрел я в поблескивающие глаза и даже поднял вверх указательный палец, показывая, что сейчас скажу очень важную вещь.

«А она ведь заметила, как и куда ты только что пялился», – как всегда вовремя, подсказал внутренний голос.

– Нюанс этот состоит в том, – едва не сбился я с ритма беседы, – что, если все пойдет не по плану, вы, Татьяна Николаевна, имеете все шансы получить обвинение в содействии государственному изменнику. Так что выбор у вас сейчас стоит между волчьим билетом, который вы получите вместе с увольнением после разобранной мной на булыжники Малой арены, и вполне реальной перспективой смертной казни.

– Первый вариант... – просипела, не сразу справившись с голосом, Татьяна Николаева. Кашлянув и глядя на меня исподлобья, она заговорила снова: – Первый вариант выглядит более привлекательно.

– Без сомнений. Но, опять же, есть одно но. О том, что вы отказали мне в помощи, рано или поздно станет известно не только нам двоим. В связи с этим я буду вынужден вас показательно уничтожить. Не считите за угрозу, тем более что вы мне глубоко симпатичны. Да и лицезрев минуту назад столь божественно очаровательный образ, я отныне безнадежно влюблен в вас трепетной юношеской любовью. Но таковы правила игры, я не могу их не соблюдать. Sad, but true. Печально, но факт – как говорят англосаксы.

– Вы не знаете, какие люди...

– Состоят в ваших покровителях. Прекрасно знаю об Андрее Борисовиче, и даже знаю место и время ваших периодических с ним свиданий. Тайных от его жены, конечно же. Вот только Андрей Борисович ведь остался в Николаевской губернии – это раз, и два – вы сами выбрали карьеру, отправившись вместе с гимназией сюда, а любовь на расстоянии вряд ли его удовлетворит. Так что даже о произошедшей между вами размолвке, как видите, я осведомлен.

Доступ к досье на Татьяну Николаевну, которая, оказывается, является столь амбициозной и эффектной во всех отношениях дамой, предоставил мне краснолицый сэр Галлахер. И собранная англичанами информация поражала обилием и детальностью сведений.

Впрочем, ничего удивительного в этом не было. Показательная любовь к роскоши и красивой жизни так просто ни для кого не проходит, поэтому заместитель директора наверняка являлась одной из кандидатур, рассматриваемых английской разведкой для вербовки. При этом не думаю, что и контрразведка Конфедерации мышей не ловит – уверен, что и в российском ведомстве есть такое же досье на Татьяну Николаевну, даже более полное.

– Видите, я с вами предельно откровенен, – еще раз извиняющеся развел руками, подытожив все ранее сказанное. – Или вы отказываетесь мне помочь и гарантированно теряете репутацию, должность, а также спокойную безбедную жизнь. Или вы соглашаетесь мне помочь, в результате чего также можете потерять репутацию, должность и вообще окончить жизнь на виселице. Но в случае успеха моего спасательного мероприятия, вы получите искреннюю и горячую благодарность сразу от трех родов высокой владеющей аристократии. Ваш выбор.

– Спасательного мероприятия?

– Именно так, – удивился я ноткам непонимания в словах собеседницы. – Могли бы и догадаться уже, что практическое занятие по Славянскому язычеству пошло совсем не по плану, – кивнул я и произнес уже другим тоном, поторапливая: – Решайтесь, Татьяна Николаевна, у вас на размышление осталось не более минуты.

– Если я откажусь?

– Я буду вынужден ненадолго отправить вас в беспмятство. Очнетесь вы уже в новой для себя реальности, когда все императорские контролирующие службы стоят на ушах из-за разрушенного корпуса новой гимназии.

– И даже не убьете сразу? – недоверчиво поинтересовалась Татьяна Николаевна.

– Вы уж совсем меня за изверга не считайте. Я же вам сказал, что сердце кровью обливается при мысли о том, что мне придется уничтожить вашу жизнь.

Невесело улыбнувшись, заместитель директора гимназии взглядом попросила меня отвернуться.

– Прошу вас, мне необходимо одеться.

– Вы согласны мне помочь, я правильно понял?

– Конечно, я согласна вам помочь, вы правильно поняли. Разве у меня есть выбор? – снова кривая ухмылка появилась на лице Татьяны Николаевны. – А теперь попрошу, не смущайте меня больше, дайте же, наконец, одеться.

– Конечно, – кивнул я.

Поднявшись, подхватил стул и, поставив его на место, демонстративно отвернулся от широкого ложа. После чего достал ассистант и отправил Элимелеху кратко: «Отбой I». Отбой первой фазы: до назначенного времени оповещения родственников Валеры и Эльвиры действительно оставалась всего пара минут, Татьяне Николаевне я не соврал. Это была отсечка, когда гуркхи с тяжелым оружием займут позиции по периметру гимназии для того, чтобы уничтожить здание Малой арены.

Теперь отсечка времени готовности Элимелеха отодвигалась на 04:45. Сорок пять минут, со слов сэра Галлахера, вполне достаточный срок для того, чтобы отбить и зачистить арену крепости нижнего мира. Или не отбить и не зачистить – тоже вариант.

Так что, если без четверти пять утра у нас не получится вернуться обратно из Инферно вместе с отзеркаленным Щитом Давида, вообще вернуться обратно вряд ли получится. И семьи Валеры и Эльвиры должны об этом узнать в числе первых. Для того, чтобы максимально не допустить огласки, так как кровно в этом заинтересованы. По крайней мере, я на это надеюсь. Хотя в этом случае мне точно уже все равно будет.

Татьяна Николаевна в это время торопливо одевалась. При этом я, отвернувшись, своим внутренним зрением прекрасно ее видел, в самых мельчайших подробностях. И даже мысли о растущих на горизонте проблемах – если не получится операция по спасению, грядущем долге черной принцессе и ее ярости, а также столь неожиданно глупой смерти фон Колера не помогли мне не обращать внимание на то, что за моей спиной находится нагая женщина со столь впечатляющей фигурой.

Физиологически мне все же семнадцать лет. И часть сознания Олега стала частью моей души, что накладывало отпечаток на мировосприятие. Поэтому мыслить о глобальных вещах и проблемах не получалось, а в фокусе внимания сейчас находились тяжелые купола груди и крутые бедра статной Татьяны Николаевны. Пришлось даже выполнить пару дыхательных упражнений, отвлекаясь.

Дело в соскальзывании приоритетов было не только в семнадцати годах. Да, последние полтора месяца после того, как гимназия переехала из Елисаветграда, у меня выдались удивительно спокойными. Была, правда, одна значительная проблема: Анастасия, после наших с ней приключений в Петербурге, чувствовала меня удивительно отчетливо. И даже тогда, когда я был полностью закрыт ментальными щитами, она прекрасно ощущала мою ауру. Так что после того, как княжна переехала в имение де ла Шапель, доставшееся мне вместе с баронским титулом от двоюродного дядюшки Петра Алексеевича, отставного полковника Колониальной армии Венсана де ла Шапеля, передо мной возникла серьезная моральная преграда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.